

ИХ ЛЮБОВЬ, КАК И ЛЕПЕСТКИ ЛОТОСА,
РАСПУСТИТСЯ ДАЖЕ ВО ТЬМЕ...

ЛОТОС



18+

ДЖЕННИФЕР ХАРТМАНН
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Дженнифер Хартманн Лотос

Серия «Freedom. Романтическая
проза Дженнифер Хартманн»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70052881

Дженнифер Хартманн. Лотос: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-193607-5

Аннотация

Для всего мира он был маленьким мальчиком, пропавшим без вести четвертого июля. Для меня он был всем.

Когда Оливер исчез, мое сердце раскололось. Я не знала, как продолжать жить дальше. Но прошло более двадцати лет, я научилась справляться с невыносимым чувством пустоты в душе, и все пошло своим чередом.

Меньше всего я ожидала, что спустя столько лет вновь увижу своего друга детства, который пропал так давно. Но вот он здесь и стоит прямо передо мной. Истерзанный судьбой и переживший страшные испытания.

Его зовут Оливер Линч. И это его история.

Наша история.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	69
Глава 6	82
Глава 7	97
Глава 8	111
Глава 9	129
Глава 10	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Дженнифер Хартманн Лотос

Jennifer Hartmann

LOTUS

Copyright © 2021 by Jennifer Hartmann

All rights reserved.

© Умитбаева П., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Заблудшие и блуждающие,
Вы найдете свой путь.*

Пролог

– Убирайся с дороги, урод!

Я отпрыгиваю назад. Мимо меня проносятся громкие и невероятно быстрые машины, ослепляющие ярким светом. Горло сдавливают паника, когда я, спотыкаясь, бреду по обочине дороги.

Это сон.

Внутри машин прячутся люди, некоторые высовываются из окон и направляют на меня какое-то устройство. Они дышат этим воздухом. Они пренебрежительно смотрят в мою сторону, смеясь и выкрикивая колкости в сумрак.

Все это не может происходить на самом деле.

Я срываюсь на бег, – сумасшествие разливается по моим венам. Звук сердцебиения, почти взрывающийся в ушах, заставляет мои ноги слабеть с каждым шагом. Здесь слишком шумно, слишком безумно. Чувствую, как задыхаюсь.

Прямо во время бега я расстегиваю молнию на своем защитном костюме и частично стягиваю его. Затем тянусь за маской.

И колеблюсь.

Звук режущего клаксона пугает меня, и я чуть не спотыкаюсь. Фары мчащихся машин тут же подсвечивают меня, являя миру пропитанные кровью грудь и брюки. Холодный воздух впивается в кожу.

Прежде чем успеваю все обдумать, я срываю с себя маску – мой последний защитный барьер.

Я делаю глубокие вдохи, позволяя морозному воздуху впервые за десятилетия наполнить мои легкие. Боже, это великолепно. Непревзойденно. Я поглощаю кислород, как жизненно необходимую воду и пищу, и наслаждаюсь землистым зимним запахом, который давно забыл.

Затем я чувствую аромат еще чего-то терпкого. Какие-то испарения.

Мое сердце колотится от страха.

О боже... пары.

Брэдфорд был прав.

Я совершил роковую ошибку.

Схватившись за горло, я жду смерти. Грудь сдавлена, легкие горят. Колени подкашиваются, и я падаю на гравий, сильно ударяясь. Машины продолжают проезжать, обдавая меня пылью и грязью. Сквозь затуманенное зрение я вижу, как одна из них останавливается рядом, а через несколько мгновений понимаю, что ко мне кто-то приближается. Мое дыхание учащается.

– Сэр? С вами все в порядке, сэр? – Этот голос так напоминает Брэдфорда. – Кажется, у вас паническая атака. Я позвоню в 911.

Голос затихает, я задыхаюсь и постепенно теряю сознание. Ядовитые пары поглощают меня, вытягивая жизнь. Я принимаю позу эмбриона и прерывисто шепчу, пока все погру-

жается во тьму:

– Лотос...

Черный Лотос был повержен.

Глава 1

Сидни

Я не хотела снова выглядеть странно перед соседями, поэтому, выходя за почтой, я накинула обычный халат. Хотя мои соседи привыкли видеть меня в измазанных краской пижамных штанах, необычных шапочках, разных носках и огромных футболках с принтами девяностых годов. И обычно все это красовалось на мне одновременно.

Итак, халат был моим новым шагом. Я гордилась собой.

Но потом я поскользнулась на льду и распласталась на подъездной дорожке, прямо лицом к неподалеку стоящей Лорне Гибсон. Во время падения пояс халата развязался, и моя грудь вывалилась наружу. Что ж, по крайней мере, на мне было нижнее белье. Это зрелище побудило старушку схватиться за четки и перекреститься дюжину раз.

Я поправляю одежду и поднимаюсь на ноги, постанывая от пульсирующей боли в копчике. После этого машу рукой Лорне, уронившей свою почту и теперь смотрящей куда-то в небеса. Наверняка она молится, чтобы Бог спас мою душу.

– Я в порядке! – наигранно бодро кричу я. Она игнорирует меня, продолжая петь «Аве Мария». – Трусики с леопардовым принтом продаются в Victoria's Secret, если вам интересно. Супердышащие!

Лорна ахает, прижимая руку к сердцу, и качает головой, глядя на меня с другого конца двора. Она выглядит так, словно хочет лично провести со мной обряд изгнания нечистой силы.

– Богохульное дитя, – бормочет она, прежде чем подхватывает свою почту и убегает домой.

Сидни Невилл. Святотатственная бродяга с Брайарвуд-лейн.

Я невозмутимо хихикаю себе под нос. Лорна ненавидит меня с тех пор, как я вежливо отклонила ее предложение вступить в библейский клуб несколько лет назад. Я предполагаю, это что-то вроде книжного клуба, где есть только одна книга – Библия.

Учитывая, что я люблю читать мрачные романы с большим количеством сцен секса и откровенных выражений, уверена, что скучала бы там и задавалась вопросом, когда же Адам и Ева, наконец, пустятся во все тяжкие.

– Ты в порядке, Сидни?

Я массирую свой зад, затем завязываю халат и поворачиваюсь лицом к соседнему дому. Гейб высовывает голову из-за двери с москитной сеткой, озабоченно нахмурившись.

Я усмехаюсь, пожимая плечами.

– О, знаешь, просто выбеживаю старушек еще до того, как успела выпить кофе с утра. Как обычно.

– Бунтовщица, – подмигивает он, опираясь локтем о раму. – Ты ушиблась?

– Пострадали только моя гордость и блестящая репутация.

– Значит, ты в порядке.

– Лучше всех, – я широко улыбаюсь. – Устроим марафон «Всегда солнечно»¹ сегодня вечером?

Он указывает на меня пальцем:

– Если сделаешь тот соус для тако, то это свидание.

Я приветливо салютую ему и наблюдаю, как он исчезает внутри дома.

Гейб Веллингтон – мой лучший друг. Мы как брат и сестра, росшие вместе последние двадцать шесть лет. Я переехала в этот дом со своими родителями, когда мне было всего три, а в прошлом году купила его у них, так как папа вышел на пенсию и захотел осуществить свою давнюю мечту – жить на поле для гольфа.

Гейб же вырос в соседнем доме со своим отцом и мачехой. И Оливером.

Но мы больше не говорим о нем.

Мачеха Гейба скончалась более десяти лет назад, а его отец, Трэвис Веллингтон, снова женился и передал право собственности на дом своему сыну.

Итак, мы по-прежнему соседи, по-прежнему друзья и по-прежнему вместе принимаем ужасные решения.

Я захожу в дом, просматривая выписки по своей кредитной карте и уведомления об оплате коммунальных услуг. По-

¹ Имеется в виду знаменитый телесериал «В Филадельфии всегда солнечно».

сле сдвигаю очки в темной оправе на переносицу, вспоминая те дни, когда я с нетерпением ждала подписку на «Teen Beat» и набитые деньгами открытки от бабули.

Моя полосатая кошка Алексис мурлычет, кружа вокруг моих ног. Прежде чем наклониться и поднять ее, я поправляю свои собранные в неаккуратный пучок волосы. Затем направляюсь с рыжим котом под мышкой в кабинет, готовая разобраться с электронной почтой и приступить к работе. В первую очередь я графический дизайнер, который специализируется на создании веб-сайтов. Во всяком случае, это то, что оплачивает мои счета.

Еще я рисую.

Живопись – моя истинная страсть. И я счастлива, что она дает мне дополнительную финансовую подушку, которая обеспечивает меня кофе и пошлыми книжками. Несколько моих работ были представлены в художественных галереях, а еще на аукционах. Кроме того, я посещаю ярмарки ремесел и выставки, а также выполняю личные заказы через свой магазин Etsy.

Во многих отношениях это жизнь мечты. Я независима, работаю из дома, занимаюсь любимым делом. Я даже иногда подрабатываю барменом по выходным, притворяясь, что у меня есть обычная жизнь за пределами «Фейсбук»² и моей

² Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

кошки.

Но я не буду лгать и говорить, что у меня все идеально – чаще всего я чувствую себя очень одиноко. Мои родители находятся в часе езды отсюда, а у моей сестры Клементины своя жизнь, в которой фигурируют маленькая дочь и запутанный бракоразводный процесс.

Включив ноутбук и устроившись поудобнее с кружкой кофе, я принимаюсь за работу: просматриваю электронную почту и переписываюсь с одним из моих любимых авторов романов, для которого я имею честь разрабатывать веб-сайт.

Когда я тянусь за своим мобильным телефоном, чтобы включить плейлист Lord Huron, я случайно толкаю локтем Алексис, которая вскакивает из-за стола и опрокидывает мой кофе.

– Черт! – ругаюсь я, осознав, что мой арабский мокко только что пролился на стопку картин, которые я положила рядом со своим рабочим местом. – Нет, нет, нет...

Я действую быстро, хватаю попавшуюся футболку и мчусь обратно на место преступления. У меня перехватывает дыхание, когда я замечаю картину, пострадавшую больше всего.

Это произведение с изображением Оливера Линча.

Моего лучшего друга в детстве.

Сводного брата Гейба.

Маленького мальчика, который пропал четвертого июля почти двадцать два года назад.

Я лихорадочно начинаю вытирать портрет, на глаза наворачиваются слезы.

Только не этот. Пожалуйста, только не он.

Я работала над этой картиной долгие восемь месяцев. Она была создана на основе фотографии Оливера, которую средства массовой информации изменили, сделав его старше, а затем распространили. Это образ того, как он мог бы выглядеть сегодня, если был бы еще жив.

Футболка впитывает темный кофе, и я наблюдаю, как он проникает в хлопчатобумажную ткань. Затем откладываю ее в сторону, и провожу пальцем по линии подбородка Оливера. Прошло более двух десятилетий, но рана кажется свежей. Сердце до сих пор колет, когда я думаю о мальчишке со светло-каштановыми волосами и глазами цвета багрового заката. Я все еще слышу его смех и представляю его перепачканный грязью комбинезон.

Иногда, клянусь, я чувствую его или даже слышу, как он шепчет мое имя...

Сид.

Старая спальня Оливера примыкает к моему кабинету, который раньше был игровой комнатой. У меня сохранились яркие воспоминания о том, как мы выкрикивали шутки «тук-тук» из окна в окно, играли в «телефон» с помощью веревки и двух консервных банок, а также рассказывали истории о привидениях, устрашающе освещая фонариками свои лица.

В тот последний день, 4 июля 1998 года, мы договорились сходить в кино на фильм «Ловушка для родителей». Мы с нетерпением ждали его выхода.

Наши мамы были лучшими подругами и часто нас так баловали. Обычно на сеансах мы хихикали, поедая попкорн и мармеладные конфеты, в то время как моя мама и его мама, Шарлин, тайком приносили вино в кинотеатр и хихикали больше, чем мы.

Тогда я так и не посмотрела «Ловушку для родителей». И по сей день я все еще не видела этот фильм. Мне казалось неправильным смотреть без него.

Бросив последний взгляд на окно Оливера, которое теперь было темным и заваленным коробками с разным хламом, я заканчиваю сушить портрет и переносу его в более безопасное место в углу комнаты. Я заставляю себя успокоиться и пытаюсь отвлечься на что-то другое.

Прежде чем я успеваю снова сесть, звучит рингтон моего телефона. Это музыка из заставки «Секретных материалов», а значит, звонит моя сестра. Я отправляю ее на голосовую почту, так как у меня совсем нет времени – уже десять утра, а я почти ничего не сделала!

В ответ она отправляет мне сообщение.

Клем: Ответь мне, шлюшка.

Я стону.

Я: Я работаю, потаскушка.

Клем: Мне нужно, чтобы ты присмотрела за Поппи в эти выходные. Очень прошу. Никаких вишеночек на торте, потому что я их съела.

По моему лицу скользит ухмылка, когда я вздыхаю и отправляю ей ответное сообщение.

Я: Я работаю в баре в эти выходные, но могу взять ее с собой. Мы можем создать сказочные воспоминания и узнать о том, как не следует поступать, когда она вырастет. Кроме того, Брант обязательно научит ее нескольким новым красочным словам. И-и-и еще будет проводиться конкурс мокрых футболок. #вечертетииплемянницы

Клем: Я спрошу Регину.

Клем дополняет сообщение обилием раздраженных смайликов, и я не могу удержаться от смеха. Затем выключаю телефон и бегу вниз, чтобы сварить еще кофе.

* * *

Этот придурок обманул меня.

Мы с Гейбом назначили марафон «В Филадельфии всегда

солнечно» на семь часов, а сейчас почти восемь. Соус для тако уменьшается с каждым кусочком тортильи, в то время как Алексис развалилась на моих коленях. Я снимаю очки и тянусь за мобильником, собираясь взорвать телефон Гейба мемами с Дэвидом Хассельхоффом. Вероятно, он нашел горячую девушку, с которой можно провести время сегодня вечером. И это совершенно нормально, но он мог бы посвятить меня в свои планы.

Вместо этого я вижу пропущенное сообщение от Клементины.

Клем: Сестренка. Включи новости.

Я хмурюсь. Она знает, что у меня нет базового кабельного телевидения – только «Нетфликс» и «Хулу», как у большинства миллениалов³ в наши дни. Поэтому как только я собираюсь открыть «Фейсбук»⁴ – мой любимый источник новостей, – то замечаю мигающие огни, отражающиеся на экране моего телевизора. Я поднимаюсь на диване и выглядываю из-за занавески. Во рту у меня пересыхает.

³ Миллениалы – это люди, выросшие в эпоху цифровых технологий. Так называют родившихся в диапазоне 1980–2000-х годов. Они с детства привыкли к интернету и удобным сервисам, которые позволяют сделать множество вещей онлайн.

⁴ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

Дом Гейба окружен полицейскими патрульными машинами.

Какого черта?

Сначала я думаю, что он устроил очередную вечеринку, но на подъездной дорожке нет других машин, и я не слышала музыку или какой-то шум.

Дерьмо. Что-то не так.

Меня начинает тошнить, а дыхание сбиваться. Не раздумывая, я натягиваю зимние ботинки и выбегаю через парадную дверь в одних спортивных штанах и футболке с «Ох уж эти детки!».

Свежий воздух – приятный контраст с жаром, охватившим меня. Моя голова поворачивается вправо, и я замечаю Лорну Гибсон, стоящую на крыльце своего дома и наблюдающую за происходящим. Одна ее рука сжимает подвеску с крестом, в то время как другая прикрывает рот. И ее глаза не наполнены привычным презрением и осуждением – они наполнены слезами.

Сердце бешено колотится, колени дрожат. Я набираюсь храбрости и с трудом перебираю ногами по тонкому слою снега, покрывающему лужайку. Полицейские огни размыты, и я осознаю, что снова забыла надеть очки.

Когда я подхожу к крыльцу Гейба, то не утруждаю себя стуком. Я дергаю за ручку и протискиваюсь внутрь, чуть не задев офицера дверью. Три незнакомых лица поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, нахмурив брови и плотно

сжав губы.

– Вы друг семьи? – спрашивает один из них.

Мой голос дрожит, когда я отвечаю:

– Где Гейб? Он ранен?

Но потом я вижу его.

Офицер отходит в сторону, показав моего друга. Гейб сидит на краю своего дивана, упершись локтями в колени. Его красные глаза блестят от слез. Он смотрит на меня с самым душераздирающим выражением лица, которое я когда-либо видела.

Мое сердце сжимается от хаотичных ударов, смятение и страх борются внутри меня.

– Гейб... что, черт возьми, происходит?

Гейб встает, потирая лицо ладонями, и медленно шагает ко мне. Его темно-русые волосы прилипли к вспотевшему лбу.

– Сидни.

Я смотрю на него, ожидая ответа с широко раскрытыми глазами и дрожащими коленями.

– Сидни... – продолжает он, затем делает глубокий вдох. – Это Оливер. Они нашли Оливера.

Воздух покидает мои легкие с громким свистом, и я покачиваюсь на обеих ногах, думая, не слышались ли мне эти слова. Мое и без того затуманенное зрение ухудшается, когда слезы застилают глаза.

– Ч-что?

Из меня вырывается еще один сдавленный вздох, и слова Гейба начинают поочередно доходить до меня.

Они нашли Оливера.

Они. Нашли. Оливера.

Мне удается задать еще один вопрос:

– Где было его тело?

Его тело. Его кости.

Его грязный комбинезон с пятнами от мороженого.

Гейб делает еще несколько шагов вперед, его кадык подрагивает, когда он тяжело сглатывает. Подойдя ко мне, он сжимает мои плечи. И я так благодарна за это, потому что его следующие слова выбивают из-под моих ног почву.

– Он жив.

Я падаю в обморок.

Глава 2

Сидни

Синяя больничная занавеска – последний барьер, стоящий между мной и моим лучшим другом детства. Мужчиной, обнаруженным на обочине заснеженного шоссе в тридцати милях к западу от его родного города. Его нашли без рубашки, в крови и в странном защитном костюме.

Мои кроссовки так сильно прилипли к больничному полу, что это стало мне оправданием оставаться по другую сторону занавески и грызть ногти. Руки сильно трясутся, глаза зажмурены, а комок в горле отказывается сдвинуться с места.

Прямо как мои ноги.

Я не знаю, что увижу, когда пройду через этот занавес, и именно поэтому я тяну время. Вот почему я напугана до чертиков. Я на грани слез, безмолвна и покачиваюсь. Часть меня думает, что я увижу того же маленького мальчика двадцатидвухлетней давности: с веснушками на носу, лохматыми волосами и челкой, скрывающей два любопытных глаза. Мы вместе съедим одно фруктовое мороженое, скажем «тук-тук» шутку, а потом все вернется на круги своя.

Так, как и должно было быть.

Другая часть меня ожидает призрака.

Оливер Линч не может быть настоящим... Он не может

быть живым, ходить и говорить, по его жилам не может течь теплая кровь. Он может быть только кучей костей и земли.

И прекрасным воспоминанием.

Последние двадцать четыре часа перевернули с ног на голову все, что я знала. Разрушили стены, которые я возводила годами. Разбили в пух и прах каждую несостоятельную теорию, которую я насильно скармливала себе, просто чтобы справиться с горем.

Просто чтобы я могла двигаться дальше без него.

Но часть меня знала... Часть меня, черт возьми, знала, что он все еще где-то там. И я ненавижу себя за то, что не продолжала упорно искать его.

Рука Гейба скользит к моей пояснице, заставляя подпрыгнуть на месте.

– Ты в порядке?

Я даже забыла, что он стоит рядом со мной.

Я киваю и вымученно улыбаюсь. Но все это ложь. Мои руки продолжают дрожать, ногти обгрызены, ноги едва держивают мой вес.

Боже, что мне ему сказать?

Вспомнит ли он меня вообще? Я совсем не похожа на ту семилетнюю девочку с солнечными косичками и пухлыми щечками. Теперь я взрослая женщина.

А он мужчина.

– Как он выглядел? – вопрос вырывается шепотом. Мой взгляд прикован к занавеске, как будто я могу с помощью

рентгеновского зрения украдкой взглянуть на него.

Я знаю, что мне нужно сделать, – отодвинуть занавеску и войти внутрь. Я знаю это... но если он не вспомнит меня, если он не посмотрит на меня и не увидит фейерверки, овсяное печенье и смех под летним солнцем, клянусь, мое сердце иссохнет и умрет.

Рука Гейба медленными поглаживаниями путешествует вверх и вниз по моему позвоночнику, обвивается вокруг моего плеча и успокаивающе сжимается. Он отвечает таким же напряженным шепотом:

– Потерянно. Он выглядел... потерянно.

Мои внутренности скручиваются и болят, пока я борюсь со слезами.

– Они все еще не знают, что с ним случилось?

– Пока нет. Он сбит с толку и растерян. Доктор даже не позволил мне сразу увидеть его, потому что они не знали, как он поведет себя. Но в итоге... – Гейб прерывисто сглатывает, опуская подбородок на грудь. – В итоге он не узнал меня.

Нет.

Я понимаю, что Гейб был только в детском садике, когда Оливер исчез, но, Господи, помоги мне, я хочу, чтобы он помнил все. Каждую деталь нашего волшебного детства, которая была навсегда выгравирована внутри меня.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Отказ вырывается из меня сразу же, несмотря на то, что мои ноги все еще отказываются двигаться с места, словно

они приросли к полу.

– Я справлюсь.

– Точно? – он криво улыбается, нас обоих переполняет душевное смятение. – Потому что я буквально держу тебя прямо сейчас.

В доказательство Гейб отпускает мое плечо, и я спотыкаюсь, почти влетаю в эту уродливую занавеску. Он хватается меня за запястье, прежде чем я успеваю войти туда.

– Уф, замечание принято, – выдавливаю я, закрывая глаза и набирая в грудь побольше храбрости. – Но мне нужно сделать это в одиночку.

– Я понимаю, Сид, – Гейб легко ударяет кулаком по моему предплечью, прежде чем отступить назад. – Я буду в комнате ожидания. Напиши мне, если я тебе понадобится.

Прикусив нижнюю губу и сопротивляясь желанию затащить Гейба вместе со мной в комнату в качестве моральной поддержки, я вздергиваю подбородок, провожая его взглядом.

А затем я медленно продвигаюсь к занавесу, считая до десяти и тихо подбадривая саму себя.

Я поднимаю руку и сжимаю жесткую, колючую ткань пальцами, чтобы отодвинуть ее в сторону.

Вот тогда-то я и вижу его.

Именно тогда мой взгляд падает на Оливера Линча впервые за двадцать два долгих, ужасных года. Я отпускаю занавеску, и теперь моя рука прикрывает рот, чтобы не дать вы-

рваться наружу сдавленному крику.

Я застываю.

Оливер лежит прямо передо мной, частично укрытый белым одеялом. Он подключен к различным проводам и мониторам, и я благодарна за их писк и жужжание, которые заполняют пространство между нами. Иначе мы слышали бы только стук моего сердца, кричащего от тяжести каждого вдоха.

Оливер не смотрит на меня. Его глаза прикованы к потолку из камешковой штукатурки. И я замечаю лишь небольшую морщинку, искажающую его лоб. Может быть, он не осознает, что я в комнате, или слишком погружен в свои мысли. Но пока его внимание сосредоточено на чем-то другом, я улучаю момент, чтобы поглотить его образ. Мой взгляд впитывает каждый невероятный миллиметр этого мужчины – в некотором смысле незнакомца, и все же... являющегося гораздо большим для меня.

Он прекрасен.

Те же лохматые и неукротимые светло-каштановые волосы ниспадают ему на плечи, переливаясь янтарем. Тень щетины выделяет его острый и мужественный подбородок, подчеркивая гладкие скулы и бледный цвет лица.

Мой взгляд скользит ниже, и я с удивлением обнаруживаю мужчину, о котором, похоже, хорошо заботились. Несмотря на пережитое, Оливер не слишком худой или истощенный, как я ожидала, – на самом деле даже наоборот. Из-под его больничного халата выглядывают бицепсы и крепкая грудь,

которая вздымается от тяжелого дыхания.

Я робко шагаю ближе к его кровати. Его имя срывается с моих губ, и я обращаюсь к нему впервые за десятилетия:

– Оливер.

Боже мой, эти три слога, ласкающие мой язык, вырывают всхлип, который, наконец, привлекает его внимание. Совсем чуть-чуть.

Оливер моргает. Длинные ресницы трепещут, его взгляд все еще прикован к потолку, а пальцы сжимают покрывало кровати.

Приблизившись, я поджимаю губы, не уверенная, что сказать или сделать. Я не хочу его тревожить. Я не хочу его пугать.

Я просто хочу, чтобы он посмотрел на меня... *Увидел меня.*

– Оливер, – повторяю я. Мои собственные руки скрещиваются за спиной, пресекая всякое желание коснуться его. – Я Сидни. Ты помнишь меня?

Я внимательно слежу за его мимикой. Рот едва заметно подрагивает. Челюсть напрягается. Мышечный спазм прошибает правый бицепс.

Глаза слегка расширяются – так быстро, что я задаюсь вопросом, не показалось ли мне.

Я продолжаю подходить все ближе, пока передняя часть моего свитера не касается ограждения и я не чувствую, как тепло его тела согревает мою кожу. Обхватив пальцами по-

ручень кровати, я мягко произношу:

– Это я, Оливер... это Сид.

Вспышка узнавания проносится через него. Клянусь, я видела ее.

Мое горло сжимается при резком вдохе, ребра вибрируют от бешеных ударов. Боковые перила – это единственное, что удерживает меня от желания рухнуть на него, смешав слезы и душераздирающую радость.

Оливер, наконец, отрывает взгляд от потолка, и его голова лениво поворачивается ко мне. Мои голубые недоверчивые глаза встречаются с его призрачными, пустыми омутами, в которых смешались бордовые и коричневые оттенки. Я не могу выразить словами, что в этот момент испытываю. Эмоции, такие грубые и непрошенные, такие непостижимые и угрожающие утянуть меня на дно. Я хочу плакать, выть и обнимать Оливера так крепко, чтобы он не смог вырваться.

Он не может оставить меня.

Только не снова. И больше никогда.

Пока глаза Оливера изучают мое лицо – внимательно и тяжело, – он прерывисто дышит. Золотые искорки мерцают передо мной, скрывая годы тайн и неизвестных ужасов, что уничтожили беззаботного, любящего веселье мальчика, которого я четко помню.

Когда он заговаривает, в его голосе проскальзывает нотка недоверия. Я думала, он собирается произнести мое имя, но вместо этого он хрипло говорит:

– Королева Лотоса.

Что?

Между нами повисает напряжение. Я понятия не имею, как реагировать на слова, которые только что вырвались на свободу. Слеза скатывается по моей щеке, как тихий ответ, в то время как рука поднимается, чтобы смахнуть ее. Мы пристально смотрим друг на друга, и я наблюдаю, как Оливера постепенно переполняют противоречивые чувства. Он сдвигает брови и прищуривается, а затем его глаза выражают недоумение. Что-то новое захлестывает его, что-то пугающее, заменяющее этот мимолетный проблеск узнавания на... панику.

Оливер качает головой из стороны в сторону, его руки крепче сжимают одеяло, когда он отворачивается от меня.

– Нет, нет, нет... это не по-настоящему.

Я облизываю губы, решая, что делать дальше. Мои нервы шалют. Я хочу дотянуться до него, успокоить своим прикосновением, биением сердца и словами утешения, но я боюсь сделать только хуже.

– Все в порядке, Оливер. Ты в безопасности.

– Все это неправильно. Я сплю... – Оливер продолжает бормотать, его голова качается из стороны в сторону, костяшки пальцев белеют от сжимания простыней. – Ты не можешь быть настоящей...

Слезы жгут глаза, в то время как мое сердце разрывается.

– Я настоящий. Я...

– Ты в порядке, Оливер. Все хорошо.

Медсестра входит в палату, заглушая остальные мои слова и заставляя меня отпрянуть от кровати Оливера. Я смотрю на нее. Меня колотит, ладони становятся липкими, когда я сжимаю их перед собой.

– Я... Мне жаль. Я не знаю, что его расстроило.

Женщина одаривает меня печальной улыбкой.

– Он сбит с толку и легко начинает волноваться. Никто не знает, что может его спровоцировать, – объясняет она, возясь с длинной иглой. – Я дам ему успокоительное, чтобы помочь расслабиться. С ним все будет в порядке.

Я до боли прикусываю нижнюю губу. Взгляд возвращается к Оливеру и я понимаю, что мой желудок сжимается от того, каким сломленным, расстроенным и растерянным он кажется. Его глаза крепко зажмурены, а губы быстро двигаются в бреду.

Он каким-то образом узнал меня, я уверена в этом, но действительно ли он видел *меня*?

Помнит ли он меня?

– Я думаю, мы должны дать ему отдохнуть.

Я моргаю в ответ на просьбу медсестры, воспринимая это как сигнал к тому, чтобы убраться отсюда.

Сглотнув, я слегка киваю, пятясь из комнаты и не сводя глаз с мужчины, который сейчас свернулся калачиком на боку: он натянул одеяло до подбородка и подтянул колени к себе, как будто пытаюсь спрятаться. Эта картина – будто резкий

удар в живот. Я пошатываюсь и запутываюсь в этой чертовой синей занавеске. Через мгновение все же вырываюсь из нее и выскальзываю в больничный коридор, где пытаюсь успокоить свое прерывистое дыхание, прижимая ладонь к груди. Один вопрос заполняет мой разум, пока мои плечи поднимаются и опускаются.

Что с тобой случилось, Оливер Линч?

Я знаю, что это вопрос для другого дня, поэтому сдерживаю новый поток слез и тихо шепчу:

– Пока.

Это прощание лишь сегодня.

Не навсегда.

* * *

Три недели спустя я наблюдаю сквозь приоткрытые шторы, как Гейб открывает пассажирскую дверь своего «Челленджера» и ждет, когда Оливер выйдет наружу. Я замечаю сомнение, страх, неуверенность, которые охватывают Оливера. Он сжимает колени напряженными пальцами и остается сидеть на кожаном сиденье. На нем одежда Гейба: клетчатая рубашка на пуговицах и джинсы, которые кажутся довольно тесными для его мускулистого тела.

Оливер смотрит на высокий дом, построенный из кирпича медового цвета, и его темные ставни. Его челюсть напряжена, в глазах мерцает беспокойство.

Я хочу подбежать к нему.

Хочу сказать, что все в порядке, все будет хорошо. Но мы с Гейбом решили, что лучше дать Оливеру привыкнуть к новому месту, прежде чем я навещу его. Он слишком резко реагирует на новые лица, новое окружение и на раздражители в целом.

Оливер медленно ставит ноги в ботинках на тротуар и выбирается из машины. Кажется, он выше ста восьмидесяти сантиметров, так как грозно возвышается над Гейбом, который, по крайней мере, на сантиметров шесть ниже брата.

Это так невероятно – смотреть на этих двух мужчин, стоящих бок о бок, спустя двадцать два года. Мое последнее воспоминание о них состоит лишь из липких от эскимо пальцев, порезов и пятен от травы на коленях. Теперь они взрослые мужчины – оба красивые и яркие, хотя и абсолютно разные.

И один из них выглядит чрезвычайно напуганным.

Мертвенно-бледным.

Я сжимаю вырез своей рубашки дрожащими пальцами, другой рукой отодвигаю шторы от окна еще сильнее, в то время как мои глаза остаются прикованными к Оливеру. Он почесывает свои отросшие волосы, его взгляд с подозрением рассматривает двор. Я вижу, что его собственные руки дрожат, пока он изучает окрестности, готовый убежать при малейшей угрозе. Гейб осторожно кладет ладонь на широкое плечо своего сводного брата, и Оливер испуганно отшатывается.

Мое сердце сжимается.

Посомневавшись, Оливер все же шагает вперед, чтобы последовать за Гейбом по потрескавшейся каменной дорожке ко входу в дом. Продвигаясь вперед, он останавливается, чтобы еще раз оглядеться, – все еще неуверенный, все еще заметно колеблющийся. Его взгляд скользит вправо, затем влево, и прежде чем он переводит глаза обратно на дом, они останавливаются на мне.

У меня перехватывает дыхание, моя рука так сильно сжимает занавеску, что я чуть не срываю ее с карниза. Оливер слегка прищуривается, пытаюсь понять или разгадать меня... Как будто он пытается вписать меня в свой сложный разум, как недостающий кусочек пазла.

Мы в нескольких метрах друг от друга, разделены оконным стеклом и двадцатью двумя долгими годами, но я чувствую что-то странное между нами. Напряжение. Трепет непредсказуемых воспоминаний и новых возможностей. Я хочу знать, о чем он думает, когда смотрит на меня и изучает пытливым взглядом, крепко сжав зубы. Я сбита с толку, потому что не знаю, что, черт возьми, делать или как разорвать эту связь. Поэтому я слабо улыбаюсь и неловко машу рукой.

Ужасно.

Оливер моргает и прерывает наш контакт. В это время Гейб тоже поворачивается ко мне лицом. Он улыбается грустной, неуверенной улыбкой, а затем уводит Оливера подальше от меня, тем самым пресекая наши переглядывания.

Я выдыхаю застрявший в моих легких воздух и ослабляю хватку на занавеске, наблюдая, как двое мужчин идут к входной двери, за которой чуть позже исчезают.

Помнит ли он меня? Я все еще не знаю.

Полиция и детективы пытаются собрать воедино детали исчезновения Оливера. Он дал мало информации... На самом деле он вообще почти не разговаривал.

Гейб навещал Оливера несколько раз после того, как его перевели в стационарное психиатрическое отделение для наблюдения, но его бред в основном состоял из «лотоса», «Брэдфорда» и «конца света». Ничего ясного. Ничего связного. Если власти и вытянули из него что-то еще, нам это пока неизвестно. Я не имею представления о его прошлой жизни... Не знаю, с какими ужасами ему пришлось столкнуться или какие препятствия пришлось преодолеть. Я не знаю, избивали ли его, или он был прикован цепью в подвале какого-нибудь сумасшедшего. Или же, не дай бог, он подвергался сексуальному насилию.

Мой желудок скручивает от этой мысли, и я отступаю от окна, тяжело вздыхая.

Лотос.

Интересно, что это слово значит для него? Я хочу узнать его значение.

Оливер назвал меня «Королевой Лотоса» во время нашего короткого воссоединения, и с тех пор этот титул преследует меня.

Я подхожу к дивану в гостиной, тянусь за своим дневником, лежащим на кофейном столике. Листая линованную бумагу, я открываю блокнот на самой последней странице с каракулями и вникаю в слова:

*Лотос является символом возрождения в самых разных культурах, равно как в восточных религиях. У него есть качества, которые идеально соотносятся с состоянием человека: **цветок лотоса** великолепен, даже если его корни находятся в самой грязной воде.*

Это я обнаружила, когда исследовала значение этого слова. Когда я прочитала их в первый раз, у меня перехватило дыхание. Я тут же переписала строчки и неделями размышляла над их смыслом. Почему этот цветок так важен для Оливера?

Почему он ассоциирует его со мной?

Я кладу ноги на кофейный столик, скрещивая их, затем бросаю блокнот рядом с собой на подушку. Мой взгляд скользит к портрету на холсте, прислоненному к дальней стене.

Знакомые глаза смотрят на меня в ответ.

Глаза, которые до жути точны и в то же время никак не могут передать истинную глубину и тайну реальности.

Моя картина с Оливером Линчем все еще покрыта пятнами кофе, и я бы все отдала, чтобы исправить это.

Глава 3

Оливер

– Ты хочешь что-нибудь?

Я смотрю прямо перед собой, не моргая и с трудом улавливая слова, слетающие с губ человека, который называет себя моим братом. А именно моим сводным братом, связанным со мной узами брака родителей. И теперь он был вынужден приютить меня и помочь собрать воедино осколки моей разбитой реальности.

Вытянув ноги перед собой, я сижу под окном, спиной к стене, в моей старой детской спальне. Я ее не помню. Я не узнаю наклейки на потолке или потрескавшуюся голубую краску. Пахнет затхло и странно.

Мой взгляд останавливается на треснувшей двери шкафа напротив, и я подумываю о том, чтобы заползти внутрь и спрятаться в маленьком темном пространстве. Эта мысль приносит мне спокойствие, и я закрываю глаза, возвращаясь в заточение знакомой тюрьмы.

– У меня есть замороженный ужин и газировка. Ты голоден?

Голос Гейба нарушает мое уединение, и я заставляю себя снова открыть глаза. Он мнетя в дверном проеме, – прямо напротив меня.

Не знаю, из чего состоит замороженный ужин, но мне все равно – я не голоден.

Я не отвечаю.

Гейб продолжает водить носком ботинка по пушистому ковру, прислонившись плечом к дверному косяку. Он вздыхает, почесывая затылок.

– Что ж, если ты проголодаешься, кухня дальше по коридору направо. Это и твой дом тоже, так что не стесняйся исследовать его и не чувствуй себя стесненно. Я помогу со всем, что тебе понадобится.

Я вновь переключаю свое внимание на Гейба. Достаточно сложно пытаться не паниковать, когда мой сводный брат разговаривает со мной с расстояния в несколько метров. Он навещал меня несколько раз за последние несколько недель, когда меня мучили и кололи, когда за мной ухаживало множество незнакомцев и когда меня допрашивали до тех пор, пока мне не показалось, что мои мозги вот-вот полезут из ушей. В итоге все решили, что я не представляю опасности ни для себя, ни для общества, поэтому меня выпустили обратно в мир – мир, который, как я думал, был разрушен и заражен. Меня отправили восвояси с минимальным представлением о том, как работает современная цивилизация. Просто дали крошечную бумажную карточку с подробной информацией о психологе, к которому я не собираюсь обращаться в ближайшее время.

Теперь я полностью завишу от незнакомца, который пронзает меня своими беспокойством и жалостью... Точно так же, как я зависел от Брэдфорда.

Тем не менее я не могу подобрать подходящих слов, поэтому просто киваю и продолжаю пялиться в стену.

Я испытываю облегчение, когда Гейб медленно выходит из комнаты, оставляя меня одного. Я привык быть один. Меня это устраивает.

Мои мысли снова возвращаются к Брэдфорду, и я не могу не задаться вопросом, жив ли он еще. Там было так много крови. Я попытался объяснить полицейским, которые допрашивали меня, то, где я жил, но мой подземный дом оказалось сложно описать. Бетонный пол с темно-зеленым ковром. Темно-бордовый спальный мешок. Маленький телевизор для видеокассет. Стопки книг и комиксов, шкаф с закусками и скоропортящимися товарами, а также художественные принадлежности, которыми меня снабдил Брэдфорд. Это было маленькое убежище – скромное жилище, в котором было все необходимое.

Все, что, как я думал, мне было необходимо.

Представители власти смотрели на меня как на сумасшедшего, когда я пытался дать им ответы. Я рассказал им о стеблях кукурузы, еноте с мудрыми глазами и маленьком деревянном домике, в котором находилась моя камера. Но мои ответы были непонятными, а описания расплывчатыми. Как можно точно обрисовать что-то, если им не с чем это срав-

нить?

Когда один из детективов, мужчина с отталкивающими усами, посмотрел на меня, его взгляд показался мне снисходительным. Он обращался со мной так, словно я был хрупким, незрелым ребенком и говорил медленно, используя самые элементарные слова. Он даже делал рисунки на белой бумаге, пытаясь достучаться до меня, заставить все понять.

Но я и так понял. Я понимал его слова, вопросы и отчаянную потребность в ответах.

Чего я не понимал, так это – *почему*.

Почему мне лгали?

Почему я провел столько лет в изоляции и с ложным чувством страха?

Почему именно я?

Наверное, я никогда этого не узнаю. Брэдфорд, скорее всего, уже умер от потери крови, а он был моей единственной надеждой на объяснения.

Мои колени подтягиваются к груди, а носки скользят по ковру. Он мягкий и приятный – ощущение, которое я никогда раньше не испытывал. Или, во всяком случае, которое я не помню.

И тогда я думаю о той девушке в окне – о ее волосах, солнечных и мягких, как ковровое покрытие. Она сказала, что ее зовут Сид, и от нее знакомо пахло... Но как это возможно? Как она может быть моей Сид?

Моя Сид – выдумка.

Моя Сид была воображаемой подругой, которую я сам придумал, когда меня одолело одиночество.

Я создал ее с помощью грифеля карандаша и собственно-го воображения.

Королева Лотоса.

Я качаю головой, ошеломленный и трещащий по швам. Это слишком. Всего слишком много. Я не знаю, как жить в таком огромном, переполненном и шумном мире. Я не могу понять, что реально, что действительно существовало до того, как Брэдфорд спрятал меня под землей и напичкал ложью. Я не могу отличить воспоминание, мечту и небылицу.

Я доверял Брэдфорду. Я думал, он был моим опекуном. Моим защитником.

Моим героем.

Я чувствую себя преданным самым ужасным образом.

Прислонив голову к стене, я пытаюсь выровнять прерывистое дыхание и забыться. Я возвращаюсь в свою пещеру и сажусь по-турецки на зеленый ковер, жую крекеры, держа в руке только что заточенный карандаш. В моем разуме ожидают краски, приключения и таинственные злодеи, которых нужно победить.

Мне больше по душе монстры, которых я создаю сам.

Я предпочитаю их, потому что в битве с ними всегда побеждаю.

– Там плохо, Оливер. Очень плохо.

Я жую злаковый батончик, наблюдая, как человек по имени Брэдфорд спускается по металлическим ступенькам, одетый в странный желтый костюм. Похоже, он сделан из пластика и застежек-молний. Он выглядит так, словно собирается выпрашивать сладости, но Хэллоуин еще не наступил. Я здесь всего около недели... Кажется. Может быть, мне стоит начать подсчитывать дни на бетонной стене рядом с буквами моего имени?

Брэдфорд глубоко вздыхает.

– Произошла ядерная атака. Воздух снаружи токсичен.

Я не уверен, что означает «ядерный», но звучит это не очень хорошо.

– Но вы сказали, что я скоро смогу вернуться домой. Вы сказали, что нужно лишь переждать пару дней. Значит, пока что я все равно не могу пойти домой?

О, нет. Мама, должно быть, так беспокоится обо мне.

– Я боюсь, что ты еще очень долго не сможешь вернуться домой, Оливер. Там небезопасно.

Моя нижняя губа дрожит.

– Как долго? Все лето?

Брэдфорд осторожно приближается: его лицо скрыто за

странной маской, – из-за нее его дыхание кажется странным и забавным.

– Снаружи идет война. Выживших почти нет.

– Выживших?

– Они мертвы, Оливер. Большая часть населения была уничтожена... Кроме тех, кто готовился к этому, – объясняет он. – Как мы.

Я еле его понимаю, смысл слов доходит до меня тяжело и медленно.

– Когда воздух станет лучше?

– Я не знаю... Может быть, никогда. – Он снимает маску и массирует подбородок. – Я спас тебе жизнь, малыши. У меня было предчувствие, что этот день приближается. Я был в этом уверен.

Я сглатываю.

Может быть, никогда.

– Я не хочу жить здесь вечно, мистер... – Вырывается всхлип, взволнованная мольба. – Может, я смогу задержать дыхание на улице и добраться до дома?

– Нет! – оцетинивается он. – Ты не можешь пойти домой. Это опасно. С этого момента ты будешь жить здесь, внизу, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе было как можно комфортнее. Мой собственный бункер находится прямо по соседству, и в нем есть кухня. Я принесу тебе свежей еды, когда смогу.

Я действительно скучаю по яичнице с беконом.

Брэдфорд мерит шагами бетонный пол.

– Я буду часто отсутствовать. Когда мои запасы еды кончатся, мне нужно будет найти еще. Это может занять несколько дней опасного пути.

– Вы можете принести мне книги? Я учусь читать, да и здесь очень скучно.

Все, что у меня есть, – это шкаф с закусками, два ведра, фонарик и спальный мешок.

Он кивает.

– Хорошо. У меня в бункере много книг и игр. Здесь, внизу, есть электричество, так что я установлю телевизор и освещение получше.

Мое сердце пропускает удар от новых перспектив.

Брэдфорд делает паузу, чтобы посмотреть в мою сторону, его темные глаза смягчаются, в них мелькает грусть.

– Все будет хорошо, малыш. Здесь ты в безопасности.

Он надевает маску и поднимается по лестнице, снова оставляя меня совсем одного.

В безопасности.

Может, я и в безопасности, но я не чувствую себя счастливым. Я хочу вернуться домой.

Надеюсь, это продлится недолго, потому что я скучаю по своей семье.

Я скучаю по солнечному свету.

По ней.

Три часа спустя Гейб возвращается в спальню с тарелкой разогретой еды и находит меня уставившимся в стену, на том же самом месте, где он меня оставил.

* * *

Прошел день, а я все еще не вышел из своего убежища под окном. Мой мочевой пузырь, кажется, вот-вот лопнет, а в горле пересохло, но найти в себе силы сдвинуться с места я не могу. Гейб приходил и уходил, его попытки завязать разговор и проявить гостеприимство постоянно проваливаются. Я не пытаюсь быть грубым или неблагодарным – я просто потерян.

Когда я, наконец, набираюсь сил, чтобы подняться на ноги, то, пошатываясь, бреду в ванную, ненадолго останавливаясь, чтобы взглянуть на отдыхающего в гостиной Гейба. Он растянулся на диване, прикрыв глаза тыльной стороной руки. На дальней стене мерцает телевизор: установленный экран намного больше, ярче и четче, чем тот, что был у меня в подzemелье. Я прищуриваюсь, глядя на него, ошеломленный реалистичными изображениями. Телевизор похож на тот, что я видел в спальне Брэдфорда, а также в больнице.

Гейб не слышит моих шагов в коридоре, так как он спит с торчащими из ушей проводами, сквозь которые просачивается приглушенный шум. Музыка, скорее всего.

Я отрываю взгляд от экрана и направляюсь в ванную. Я

почти не помню туалетов, да и мое жилище ничем подобным не было оборудовано. Забытые воспоминания возникли у меня в голове, когда я впервые увидел туалет в больнице.

Резкие вспышки воскресили в памяти раковину цвета слоновой кости, украшенную разноцветными зубными щетками, а также занавеску для душа в цветочек. Дальше возник образ маленькой девочки с косичками, стоящей под струями душа в заляпанной грязью одежде. Она кричала мне, чтобы я поскорее уменьшил температуру.

В моем подземелье были только ведра, которые Брэдфорд регулярно мыл и менял – одно для отходов, а другое для купания. Душ, с которым меня познакомили в больнице, поначалу был неудобным – жесткие струи впивались в мою кожу, как колючая проволока. Но вскоре стало приятно, я будто пережил катарсис. И теперь я понимаю, что это лишь одна из многих вещей, которых мне не хватало.

Я качаю головой и сглатываю. Затем включаю свет и тут же морщусь от неприятного давящего ощущения в глазах, которое доставляют флуоресцентные лампы. Все такое яркое в этом новом мире.

Пока я осматриваюсь вокруг, все больше разрозненных видений проносится через меня, заставляя мои колени дрожать. Раковина цвета слоновой кости все еще там, сколотая и потускневшая. Цветочная занавеска для душа была заменена на серую и чистую, а маленькая девочка давно ушла, но я до сих пор слышу ее смех, эхом отдающийся в моих ушах.

Я справляю нужду, затем смотрю в зеркало, прежде чем выйти.

Я двадцать два года обходился без зеркала. Не имея отражения. Не имея представления о своей внешности. Не имея ни малейшего понятия о цвете своих глаз, форме лица или изгибе рта.

Но по крайней мере у меня было имя. Я даже вырезал его на бетонной стене, чтобы никогда не забыть.

Я моргаю, рассматривая свое отражение, – оно отвечает мне тем же. *Самозванец*. Незнакомый мужчина с радужками цвета корицы и каштановыми волосами, спадающими на лоб беспорядочными волнами. Его челюсть покрыта щетиной, которая с каждым днем становится все гуще. У него бледная от недостатка солнечного света кожа, а также длинные густые ресницы и четко очерченные скулы. Взгляд его пуст и отстранен, – и его не замаскировать даже танцующими золотыми искорками.

Мои пальцы сжимают край фарфоровой раковины, когда я делаю глубокий вдох и отвожу взгляд.

И когда я, наконец, отхожу и открываю дверь, то вижу ее. Девушка из окна – та, что приходила ко мне и представилась Сид. Она здесь, в доме моего брата... Ну, и в моем доме. Она стоит прямо передо мной с широко раскрытыми сапфировыми глазами, скрытыми за очками в темной оправе. С носом, похожим на пуговку, и пухлыми губами. Девушка приоткрывает рот, чтобы заговорить со мной:

– Привет.

Между моими бровями пролегает складка, когда я смотрю на стопку одежды, которую она сжимает в своих руках. Ее волосы струятся по плечам бело-золотыми потоками, и она склоняет голову набок, изучая меня. Либо со смущением, либо с беспокойством. Я не уверен. И то, и другое было бы приемлемо.

Голос подводит меня, и я продолжаю молчать.

– Мой отец оставил несколько коробок со старой одеждой на чердаке. Я думаю, у вас с ним примерно один размер. Она лучше, чем тряпки Гейба... Возьми их до того момента, пока ты не сможешь купить свои собственные вещи, – говорит она мне, прикусив нижнюю губу и протягивая стопку штанов и рубашек на пуговицах.

Прежде чем я успеваю как-то отреагировать, Гейб выходит из гостиной, зевая и почесывая свои взъерошенные волосы.

– Тебя не учили стучаться?

Его слова звучат грубо, когда он обращается к Сидни, но его взгляд мягок, а улыбка сияет. Похоже, ее не смутила его прямолинейность.

– Учили тогда же, когда и тебя. То есть никогда, – язвит она, стреляя глазами в Гейба, затем обратно в меня. – Я просто занесла кое-какую одежду для Оливера.

Кажется, они хорошие друзья. Интересно, на что это похоже? Я смотрю вниз на свои ноги, стиснув зубы. Не знаю,

что стоит сказать.

Гейб подходит к ней и тянется за одеждой, кивая в знак благодарности.

– Здорово. Нам надо будет съездить и за новыми вещами. Как ты думаешь, Оливер больше похож на парня из Aeropostale или чего-то более стильного, к примеру из Express⁵?

Мои глаза метаются между ними. Я пытаюсь найти в своей голове место для этих незнакомых слов, но безуспешно, так как там и без того творится настоящий беспорядок.

Я совершенно ничего не понимаю.

– Мы успеем выяснить, что ему нравится, но пока этого должно хватить.

Она улыбается мне, и в выражении ее лица есть что-то теплое и притягательное. Оно немного несимметричное и украшено ямочками. Очаровательное. Я ловлю себя на том, что пристально смотрю на ее губы. Она замечает этот взгляд, поэтому неловко прочищает горло и поворачивает голову обратно к Гейбу.

– Что ж, я могу...

Ее слова обрываются, когда я ухожу.

Сидни замолкает на полуслове, и я чувствую их взгляды на своей спине, пока бреду по коридору в спальню. Я чувствую себя не в своей тарелке, стоя между двумя людьми, с которыми должен был расти. Я не могу выносить их жалост-

⁵ Aeropostale и Express – бренды одежды.

ливые взгляды и неловкие реакции на мое молчание. Этому я предпочту привычное одиночество.

Я еле дотаскиваю себя до кровати с темно-синими пледами и двумя подушками. Она скрипит, когда я сажусь. Я не уверен, понравится ли мне спать на ней. И подумываю о том, чтобы стянуть одеяла на пол рядом с кроватью и представить, что я снова в том подвале свернулся калачиком на твердой земле.

Я все больше к этому склоняюсь, когда слышу неуверенные шаги. Она дает знать о своем присутствии.

Легкое покашливание пронизывает тишину.

– Привет, Оливер. Могу я войти?

Все мое тело напрягается от очередного взаимодействия с людьми. Я сжимаю в кулаке покрывало, мой взгляд устремляется на Сидни, которая стоит в дверном проеме.

Она не ждет моего ответа и делает шаг вперед, приближаясь к моей кровати. И я наблюдаю, как она садится слева, тепло ее тела окутывает меня. Инстинкты подсказывают мне отвести взгляд, но я ловлю себя на том, что впитываю каждое ее движение, заинтригованный этой девушкой. Я замечаю каждый взмах ресниц, дрожь и непредсказуемое выражение лица. Я наблюдаю за тем, как ее ноги раскачиваются взад-вперед, пока она неуверенно проводит ладонями по бедрам. Наши глаза встречаются.

И тогда я вижу ее.

Представляю, как ее солнечные косички подскакивают,

когда она прыгает через скакалку на лужайке перед домом. Я слышу, как ее смех смешивается с летним ветерком.

«Последний, кто придет в парк, – тухлое яйцо!»

Мое горло сжимается.

Сидни удерживает мой взгляд, что-то происходит между нами, что-то похожее на вчерашнюю связь через высокое окно.

– Я понимаю, ты, наверное, меня не помнишь, – говорит она. Ее глаза пленительного голубого оттенка умоляюще смотрят на меня. Они даже мерцают. – Но я помню тебя.

Я не выдерживаю и отвожу взгляд, делаю неровный вдох, так как изо всех сил стараюсь не отстраниться.

– Ты дергал меня за косички, говоря, что я похожа на Анжелику из «Ох уж эти детки!». Мы лепили лепешки из грязи на моей подъездной дорожке после ливня. Наши семьи сидели у камина и жарили зефир, в то время как ты, я, Гейб и Клем соревновались друг с другом в самых страшных историях о привидениях. Мы играли в «телефон» от окна к окну, мы устанавливали ларьки с лимонадом на краю дороги и тратили заработанные деньги у мороженщика. И мы ловили светлячков в стеклянные банки. – Сидни прерывается, чтобы взять себя в руки, ее глаза наполнены слезами. – Я помню о тебе все, Оливер. Ты был настоящим. Твоя жизнь до того, что с тобой случилось, была реальной.

Сидни прикасается своей рукой к моей, и я инстинктивно одергиваюсь.

Я не привык к прикосновениям людей. Брэдфорд никогда не прикасался ко мне. Врачам в больнице пришлось напоить меня успокоительными, потому что чужие руки, пальцы и лица были так близко ко мне, что я начинал паниковать. Я пытался бороться и сбежать.

Я не эксперт в человеческих эмоциях, но выражение глаз Сидни подсказывает мне, что я обидел ее. Внутри меня все скручивается от чувства вины.

– Мне жаль, – тихо шепчет она, медленно отползая подальше и обхватывая себя руками, будто закутываясь в чужие объятия. Сидни колеблется, прежде чем подняться на ноги. – Еще слишком рано. Прости...

Как только она предпринимает попытку сбежать, слова срываются с моих губ, удивляя нас обоих.

– Я помню маленькую девочку, – говорю я, мой голос хриплый и измученный. Я даже не узнаю его. Я наблюдаю, как Сидни останавливается и поворачивается ко мне лицом. Ее глаза – трепещущее море благоговейного страха и удивления. – Это была ты?

Она кивает, заправляя за ухо золотистую прядь волос – медленно и робко. Я не могу определить: у нее на лице отражена боль или радость. Ее голос дрожит, когда вопрос доносится до меня с другого конца комнаты:

– Ты помнишь меня?

– Я считал, что придумал тебя.

Беспокойство Сидни, кажется, рассеивается от моих слов,

и ее тело расслабляется, на лице расцветает улыбка.

– Я всегда была здесь.

Я замираю. Мои зубы стучат от нервов, а в груди все сдавливает. Какая-то часть меня хочет оторвать взгляд от глаз этой девушки, потому что я вижу в ее радужках больше жизни и энергии, чем мне доводилось чувствовать за последние двадцать два года. Я завидую этим эмоциям. Я хочу протянуть руку и прикоснуться к ним... Украсть часть для себя.

Но я не двигаюсь. Наконец я опускаю подбородок на грудь и последнее, что я слышу, – ее удаляющиеся шаги.

Сидни ушла, но оставила после себя маленькую искорку.

Полагаю, она всегда так делала.

Глава 4

Сидни

– Ты не говорила мне, какой он горячий. В новостях его не оценили должным образом.

Я усмехаюсь, пока осматриваю гостиную в поисках своих туфель на каблуках, а затем высовываю голову из-за дивана, чтобы посмотреть на свою любопытную сестру. Клементина прилипла лицом к окну, наблюдая, как Оливер сидит на своем крыльце, уставившись на кормушку для птиц.

Он просто сидит там, не двигаясь, уже три часа.

– Он мой друг. Кажется. И он потерпевший, – фыркаю я в ответ, вставая на носочки, чтобы дотянуться до туфли, которую, должно быть, спрятала Алексис. – Держи себя в штанах, Клем.

– Что ж, твой горячий пострадавший друг выглядит лучше, чем мой тренер, – говорит Клем, наконец отступая от окна и задергивая шторы. – Плен хорошо на нем сказался. После того как мой развод будет завершен, я, вероятно, буду бывать здесь гораздо чаще.

Я чувствую, как моя челюсть напрягается от легкомысленных слов сестры. Мои ноги одна за другой проскальзывают на неудобные туфли, пока я поправляю майку.

– Не будь такой противной.

– Я не противная. Просто одинока и окончательно устала от вибратора. И, пожалуйста, ты можешь помочь мне заполнить какого-нибудь красавчика сегодня вечером? У меня давно не было секса.

Сегодня вечером я работаю в «Черном Ящике», модном баре и ночном клубе на другом конце города. Клементина идет со мной, потому что ей «нужно вернуться в строй» после долгого развода с Нейтом. Поппи, моя племянница, в эти выходные остается со своим отцом, так что все как в старые добрые времена – мы с Клем направляемся в бар в слишком тесной одежде, со слишком растрепанными волосами и слишком завышенными ожиданиями.

Только вот я буду делать шоты сегодня, а моя сестра будет блевать ими с восходом солнца.

Я поправляю очки, пока наношу немного блеска на свою коралловую помаду.

– Со мной сегодня вечером работает Брант. Вполне уверена, что он холост. – Я задумчиво хмурюсь и застегиваю сумочку. – А еще уверена, что он гей.

– А как насчет твоего менеджера, этого итальянского жеребца? Марко?

– Определенно гей.

Она стонет.

– Черт возьми. У тебя есть коллеги, которым понравилась бы тридцатилетняя мать-одиночка, у которой проблемы с доверием, есть слегка неприличная сумма долга по кредитке

и любовь к лягушкам?

Я надеваю короткую кожаную куртку, сдувая прядь волос с лица. Ненавижу наряжаться. Мне по душе футболки и треники.

– Возможно, Ребекка.

Она прищуривается, глядя на меня. Затем пожимает плечами, перекидывая сумочку через плечо.

– Почему бы и нет. Готова?

Я сжимаю губы.

– Ага.

– Кстати, ты выглядишь очень сексуально. Я почти никогда не видела тебя такой, – добавляет Клем, направляясь к двери. – Ты выглядишь как порнозвезда.

– Вот спасибо. Я мечтала этого добиться с двенадцати лет, когда нашла папины журналы с обнаженкой в ящике с его трусами.

Мы вместе смеемся, выходя на крыльцо. У меня всегда было красивое тело – тонкая талия, подтянутые ноги и третий размер груди. Помнится даже, как однажды Лорна Гибсон в разговоре с горячим соседом Эваном, который пишет триллеры и живет через дом, назвала мое тело «созданным для греха».

Я была польщена. Правда.

За многие годы я привыкла к мужскому вниманию, хотя ни один мужчина не задерживался у меня надолго. Я прыгала от случайных отношений к безэмоциональным интрижкам,

не ощущая той всепоглощающей искры, о которой пишут в книгах. Раньше я завидовала Клементине и ее прекрасной жизни с успешным мужем и очаровательной дочкой. Но до тех пор, пока ее муж не стал трахать собственную стажерку, позабыв о супружеских клятвах.

Светлые волосы Клем с ярко-синими полосками, подстриженные под боб, подпрыгивают вверх-вниз, пока ее каблуки стучат по дорожке перед моим домом. После того как я поворачиваюсь, чтобы закрыть и запереть за собой дверь, мы обе замедляем шаг, поворачивая головы налево, чтобы взглянуть на Оливера, одиноко сидящего на крыльце.

– Может, пригласить его с нами? Что, если парню просто нужно потрахаться? – пожимает плечами Клем, стараясь говорить тише.

Оливер смотрит на нас, когда я тыкаю локтем сестру в ребра, проглатывая свое смущение.

– Подожди здесь. Я быстро поздороваюсь с ним.

Я бреду по лужайке, мои каблуки утопают в рыхлой земле. Сейчас конец марта, и теплая погода пробивается сквозь коварную зиму, поливая нас ливнями, намекающими на весну. Оливер напрягается, когда я подхожу, его руки сжимают ткань брюк. Его глаза следят за мной, но не тем непристойным взглядом, который я привыкла получать от мужчин.

– Привет, Оливер. – Я обнимаю себя руками, бросая взгляд на пустую кормушку для птиц. – Тебе нравится наблюдать за птицами?

Прошло две недели с момента нашей эмоциональной встречи в его спальне. Я заходила в гости несколько раз, но Оливер был тихим и замкнутым. Я надеюсь, что наше дальнейшее общение поможет ему пробить свою скорлупу. Я хочу знать остальную часть его истории.

Мы пока что знаем только то, что он рассказал полиции: Оливера держали в плену в подвале дома какого-то психа, пичкали ложью и промывали мозги, заставляя поверить, что он был одним из немногих выживших после того, как атомная бомба отравила наш воздух.

Звучит как бред сумасшедшего.

Взгляд Оливера опускается к моему декольте, но он быстро отводит глаза.

– Мне нравится дикая природа, – отвечает он.

Я широко улыбаюсь. Это счастливая, искренняя улыбка, потому что Оливер говорит со мной. Он поддерживает разговор. Он раскрывается. Звук его голоса низкий и хриловатый, насыщенный и красивый, как моя любимая песня. И сильнее всего на свете я хочу проигрывать этот голос снова и снова.

Часть меня хотела бы отказаться от работы и полить это маленькое семечко, которое он посадил, но мне действительно нужны деньги. И моей сестре нужна эта ночь. Я подхожу ближе, кивая.

– Мне тоже. Иногда бёлки забираются на кормушку и крадут корм у птиц.

Он оглядывается на меня, его взгляд снова опускается ниже, затем поднимается, чтобы встретиться с моим. Тогда я понимаю, что он, вероятно, никогда раньше не видел женское тело.

Скорее всего, он все еще девственник.

Черт. Я даже не знаю, как справиться с этим внезапным открытием. И я, конечно, не знаю, почему меня это волнует.

Я откашливаюсь, показывая большим пальцем через плечо.

– Это моя сестра, Клементина. Я зову ее Клем. Мы играли все вместе, когда были детьми.

Оливер спокойно следит за моим пальцем. По его глазам видно, что он ее не узнает.

– Сегодня вечером мне нужно поработать в баре. Она идет вместе со мной, так как переживает развод, и ей не помешало бы отвлечься, а еще... – я замолкаю, понимая, что он либо ничего не понимает, либо ему наплевать на семейные проблемы моей сестры. – В любом случае, я просто хотела узнать, как у тебя дела.

Связь наших взглядов тяжела, как, кажется, и всегда. Интересно, пытается ли он так компенсировать все то, чего не может сказать.

– Сидни! Я уже задницу отморозила. Поехали. – Голос Клем пронзительный, резко портящий настроение. Она прочищает горло и смягчает тон, помахав. – Привет, Оливер.

Он щурит глаза из-за сумрака, солнце только что зашло

за горизонт. Он недолго молчит, прежде чем пробормотать:
– У нее голубые волосы.

Оливер говорит это с таким серьезным лицом, с таким видом детского замешательства, что я не могу удержаться от смеха. Он оглядывается на меня, пораженный, как будто я должна разделять его недоумение.

– Они голубые. Временами. С девяностых цвет волос немного изменился, – мягко говорю я ему. Улыбка все еще играет на моих губах. – Мои были розовыми прошлым летом.

Он моргает, затем пристально рассматривает мои волосы, как будто пытается представить.

– Сид, идем же!

У меня вырывается стон, когда я поправляю ремешок сумочки.

– Извини, мне пора идти. Ты, эм... – я смотрю вниз на траву, покусывая щеку изнутри. – Хочешь, я могу зайти завтра? Может быть, мы могли бы поговорить, или посмотреть телевизор, или еще что-нибудь? Ну... потусоваться?

Класс. Как будто нам, черт возьми, по шесть лет. Я вспоминаю, как стучала в его парадную дверь, спрашивая миссис Линч, может ли он «поиграть».

Оливер хмурится, пока обдумывает мое предложение. Золотые искорки в его глазах кружатся и вертятся, вторя его мчащимся мыслям. И он просто говорит:

– Нет.

Ох.

Ладно.

Я медленно киваю и параллельно стискиваю зубы, сдерживая разочарование из-за отказа. Я стараюсь не принимать это близко к сердцу. Пытаюсь не испытывать чувства потери из-за тех маленьких шагов, которые, как мне казалось, мы сделали навстречу друг другу.

– Ага... Без проблем. Может, в другой раз.

Выдавив натянутую улыбку, я отступаю. Вместе с тем отмечаю его озадаченное и испытывающее выражение лица, которое не могу точно расшифровать.

Которое *не осмеливаюсь* расшифровать.

Я полностью разворачиваюсь, присоединяясь к своей сестре на подъездной дорожке, и мы запрыгиваем в мой джип.

* * *

Сегодня субботний вечер как никогда оживлен, ибо начинаются весенние каникулы, и люди толпами стекаются в бары, чтобы отпраздновать это событие. Я словно молния мечусь за стойкой, собирая заказы и расставляя напитки в рекордно короткие сроки. Мои руки так сильно пропитались сиропами и ко всему липнут, что от тряпки, висящей на плече уже нет никакой пользы.

– Отлично выглядишь сегодня, Невилл.

Я не утруждаю себя тем, чтобы повернуться на голос, который сразу узнаю. Каспер – неловкая связь на одну ночь и чертовски неверное решение.

Мой коллега, Брант, пододвигается ко мне и толкает в плечо своим. Он слишком хорошо знаком с Каспером.

– Я разберусь с ними. Иди позаботься о сестрах Сандерсон⁶ на три часа.

Я смотрю направо, почти теряя самообладание, когда замечаю рыжеволосую женщину с кривыми зубами, хихикающую со своими подругами: блондинкой и брюнеткой.

– Я не врал, – поддразнивает Брант. Он тянется за бутылкой «Смирнофф» и, крутя ее с легкостью профессионала, подмигивает мне.

Мои глаза блуждают по танцполу, который пульсирует от техно поп-песен и стробоскопов⁷. Я замечаю свою сестру, танцующую среди группы незнакомцев. Она выглядит сексуальной и уверенной, – как будто не является тридцатидвухлетней новоиспеченной матерью-одиночкой. Похоже, так выглядит успех.

Я готовлю порцию шотов «Лемон Дроп», когда Каспер подходит к моему концу стойки, опираясь на руки. Я закатываю глаза с таким энтузиазмом, что чуть не довожу себя

⁶ Отсылка на фильм «Фокус-покус», который рассказывает о трех сестрах-ведьмах по фамилии Сандерсон.

⁷ Стробоскоп – прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы.

до аневризмы.

– Не интересуется, – говорю я с безразличием, – его присутствие не отвлекает меня от работы.

– А прошлым летом мне показалось иначе.

Я ставлю шоты перед группой студентов, благодарно улыбаясь, когда они дают мне щедрые чаевые. И резко поворачиваюсь к Касперу.

– Я переживала трудные времена прошлым летом. Кто-то сказал мне нечто неприятное на «Фейсбук»⁸. Моя кошка странно мяукнула... Она могла быть серьезно больна. О, и кажется, в тот день я досмотрела «Шиттс Крик» и не знала, как жить после этого.

– Забавно.

Я пожимаю плечами, смешивая еще один напиток. Быстро вылив его в бокал, я кидаю внутрь вишню на зубочистке и один из этих милых бумажных зонтиков. Затем ставлю коктейль перед Каспером и мило улыбаюсь ему.

– За счет заведения.

Он свирепо смотрит на получившийся напиток.

– Что это за девчачье дерьмо? Я это не заказывал.

– Это «Ромовый Бегун». – Я с ухмылкой смотрю на него, затем машу пальцами перед его лицом, как бы прощаясь. – Беги.

⁸ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

Каспер непонимающе уставился на меня.

– У меня заканчивается терпение, – продолжаю я, склонив голову набок.

Он бормочет что-то себе под нос, но не уходит.

– Либо ты убираешься сам, либо я зову вышибалу Брута и уже он вышвыривает тебя отсюда.

– Ага, конечно. На каком основании?

Я постукиваю указательным пальцем по своему подбородку.

– Хм-м. Преследование одного из сотрудников в течение трех месяцев кажется веским поводом.

– Не льсти себе, – выплевывает Каспер, поднимаясь со своего места. – Преследование – это огромное преувеличение.

– Ладно. Настойчивые и неуместные приставаания.

Он чертыхается себе под нос, отказываясь от напитка.

– Плевать.

– И держись от меня подальше! – кричу я ему вслед, наблюдая, как он покидает бар.

Маленькая победа зажигает улыбку на моих губах, как раз в тот момент, когда Гейб вальяжно подходит к стойке, принимая мою сестру. Господи, помоги нам.

Клементина тянется за коктейлем, с благодарностью принимая его, несмотря на свое состояние.

– Спасибо, сестренка!

Она поразительно сильно пьяна.

Я принимаю еще один заказ, прежде чем вернуть внимание к сестре и другу.

– Что ты здесь делаешь, Гейб? Ты оставил Оливера одного?

Он отпускает Клем и усаживается на освободившийся барный стул.

– Ага, а что такого? Он взрослый мужчина, ему не нужна нянька. К тому же, кажется, этот парень умнее меня. Это немного жутковато... и унижает мое мужское достоинство.

– Он все еще приспосабливается. Что, если он причинит себе вред?

Внутри меня клокочет тревога при мысли о том, что Оливер остался совсем один.

– Ему нравится быть одному. И у меня тоже есть своя жизнь, Сидни, – говорит Гейб, скрещивая руки на груди и наблюдая, как я открываю бутылку пива. – Мне повезло, что последние несколько недель я мог работать из дома, но мне все равно нужно вернуться после этого перерыва. С Оливером все будет в порядке.

– Я просто волнуюсь. – Я отдаю пиво, мое настроение меняется. Отказ Оливера просачивается в мою голову, когда я выписываю счет. – Я спросила, могу ли я навестить его завтра, и он ответил «нет».

– Нет?

– Ага... просто «нет». И все.

Гейб выдыхает, проводя рукой по своим волнистым воло-

сам.

– Хорошая новость в том, что ты хотя бы заставила его заговорить. Мне чертовски не везет с этим.

Вручая Гейбу бесплатное пиво, я опираюсь на локти и кладу подбородок на костяшки пальцев.

– Как ты думаешь, что с ним случилось?

Он смотрит на пиво, как будто в нем сокрыты ответы на все вопросы.

– Не имею ни малейшего представления. Я даже не уверен, что хочу это знать.

– Ага... – я киваю, и по моему телу пробегает холодок. – Наверное, ты прав.

Клем стремительно осушает «Ромового Бегуна», затем обнимает Гейба, что-то шепча ему на ухо.

Странно. Просто странно. Моя сестра была с Нейтом почти всю свою сознательную жизнь, поэтому видеть, как сталкиваются два моих мира, довольно неловко.

– Ты в порядке, Сид?

Брант неторопливо подходит ко мне, вытирая стойку тряпкой и кивая в знак приветствия Гейбу и Клем.

Моя сестра смотрит на него «трахни меня» взглядом, и я вздыхаю.

– Офигенно. Каспер превратился в привидение и исчез⁹.

Брант чуть ли не согнулся пополам от смеха:

– Черт, Невилл. А я-то думал, что тебя спасти надо.

⁹ Отсылка на персонажа поп-культуры – привидения Каспера.

Я ухмыляюсь, переключая свое внимание на следующего посетителя.

– Не. Я могу сама о себе позаботиться.

* * *

Я солгала. Мне нужна помощь.

Моя рука замирает, когда я вставляю ключ в замочную скважину.

Входная дверь открыта, а я помню, что заперла ее. Я сторонник безопасности с тех пор, как Каспер начал прятаться в моих кустах в прошлом году, как чертов извращенец.

Дерьмо.

Этот придурок снова начал преследовать меня? Неужели я так разозлила его, что теперь он пытается напугать меня?

Я оглядываюсь по сторонам. Сквозь сковавший меня ужас до меня доносятся только отдаленный шум машин и мое собственное неровное сердцебиение. Я раздумываю, не позвонить ли 911 и не спрятаться ли в доме Лорны, пока не придут копы. Но моя неприязнь к этой женщине пересиливает страх.

Я просто параноик.

Толкнув дверь, я пробираюсь внутрь.

– Привет?

Мой голос тихий и слабый, и я ненавижу себя за это. Я сильная. Я независимая. Я боец, который не потерпит дерьма

ни от кого.

Никого, кроме зловещего незваного гостя, который, возможно, прячется под моей кроватью.

Дважды дерьмо.

Я прерывисто втягиваю воздух, стискивая в руке один из ключей, как импровизированное оружие. Мои глаза изучают гостиную, проверяя, не изменилось ли что-то.

Но все на своих местах.

Может быть, я и в самом деле просто параноик. Может быть, я не заперла за собой дверь, отвлекшись на сестру и болтовню об Оливере.

Но я знаю, что заперла эту чертову дверь!

Заменив свой ключ на кухонный нож, я обхожу весь дом, чувствуя себя идиоткой из дурацкого фильма ужасов.

Беги. Убирайся из дома. Позвони в полицию.

Нет! Не поднимайся по лестнице.

Чертова дура.

Но мне неловко звонить в полицию, когда у меня нет реальных доказательств взлома.

В итоге я не замечаю ничего странного и свободно выдыхаю. А затем направляюсь в свой кабинет. Мой ноутбук включен, что меня напрягает. Я почти уверена, что закрыла его сегодня днем, ответив на электронные письма.

Но я не помню точно.

Я кладу нож на стол и когда поворачиваюсь, чтобы уйти, кое-что привлекает мое внимание. Жалюзи на окне при-

подняты и открывают мне прекрасный вид на освещенную спальню Оливера.

Я делаю шаг вперед и понимаю, что... Он рисует на стенах.

Персонажи и сцены оживают, когда он прикладывает карандаш к штукатурке и создает нечто похожее на книжку с картинками. Оливер стоит на коленях, спиной ко мне, сосредоточившись на своем искусстве. Я впечатлена его талантом – даже отсюда, за много метров, я могу оценить его внимание к деталям. Тени, черты лица, яркие пейзажи.

Он хорош. Очень хорош.

Я опускаюсь на колени перед подоконником, открываю окно и опираюсь на руки. Я наблюдаю, как Оливер рисует, создает, освобождается. Я смотрю, как он работает, и это наполняет меня чем-то обнадеживающим и нежным.

Не уверена, сколько проходит времени, когда он, наконец, поворачивается, чешет затылок и бросает карандаш на пол. Он хочет поменять локацию, – может быть, уйти к кровати... Но колеблется. Он вскидывает голову и поворачивается ко мне, будто почувствовав, что за ним наблюдают. Наши взгляды мгновенно пересекаются.

Воздух застревает у меня в горле.

Он поймал меня на том, как я смотрю на него. Наблюдаю за ним. Вторгаюсь в его личную жизнь. Часть меня хочет закрыть жалюзи и притвориться, что он никогда меня не видел. Притвориться, что я не впитывала каждый штрих карандаша

или то, как мышцы на его спине двигались и напрягались, когда он был сосредоточен на своей картине.

Но его глаза пригвоздили меня к месту, удерживая и выдавая с потрохами. Я перенеслась назад во времени, когда мы смотрели друг на друга через это самое окно: с улыбками на лицах, историями на языках и озорством в глазах. Он тот же самый маленький мальчик, и я та же самая маленькая девочка. И мы неуязвимы.

Мы долго смотрим друг другу в глаза, не в силах разорвать невидимую связь. Я впитываю его целиком: от усталых глаз и растрепанных волос до мятой одежды из коробок с моего чердака. Я пытаюсь представить, как все было бы, если бы он не исчез на двадцать два года; если бы он не пережил ужасы, о которых мы читаем только в вымышленных историях. Интересно, каким был бы тот Оливер Линч прямо сейчас, стоя у своего окна лицом к моему?

Я заставляю себя улыбнуться, несмотря на острую боль, сжимающую мое сердце.

А потом закрываю жалюзи.

Глава 5

Оливер

– Я принес тебе их.

Я сворачиваюсь калачиком в своем спальном мешке рядом со специальной лампой, которую дал мне Брэдфорд. Он сказал, что она будет поддерживать мое здоровье так же, как солнечный свет. В последнее время я узнал много нового о здоровье, изучая физические упражнения и правильное питание. И я никогда не забываю принимать витамины, которые Брэдфорд дает мне на завтрак.

Я как раз собираюсь сделать приседания, когда Брэдфорд кладет стопку комиксов рядом с книгами, которые я жадно поглощал.

– Я люблю комиксы, – говорю я, внутри меня все трепещет от нетерпения.

Я здесь уже несколько месяцев, и скука наконец-то начала отступать. Я так много читал. Я узнал много нового. Существует слово «пипидастр»¹⁰, – я хихикаю каждый раз, как вспоминаю о нем.

Пипидастр!

Брэдфорд снимает маску, присаживаясь на корточки рядом со мной.

¹⁰ Пипидастр – помпон для чирлидинга.

– Похоже, ты повеселел, малыши, – говорит он мне, почесывая свою щеку. – Тебе нравятся книги?

Я сажусь прямо.

– Я обожаю их! Я узнал, что вода может поймать лазер в ловушку. Вы знали об этом?

– Конечно, – говорит он, залезая в рюкзак и вытаскивая еще припасы. – Я хотел стать ученым.

– Хотели?

– Ага. Я мечтал о большой научной лаборатории, чтобы делать секретные снадобья.

– Почему вы им не стали?

Он отводит глаза.

– Думаю, у жизни были на меня другие планы.

– Что ж, я надеюсь, что когда-нибудь вы все же станете ученым. Может быть, вы сможете сделать воздух снаружи снова хорошим. Это было бы круто, да?

– Да, малыши. – Повисает пауза, прежде чем Брэдфорд протягивает мне вещи, которые он вытащил из своей сумки. – Я принес тебе и это тоже. Я подумал, может быть, ты умеешь рисовать.

Мои пальцы обхватывают спираль на блокноте для рисования. Не думаю, что я хорош в рисовании. Я нечасто этим занимался.

– Спасибо. Может, я смогу нарисовать свои собственные истории, как те, что я прочитал.

Он кивает мне, а затем застывает на несколько тихих

ударов сердца.

– Что ж, хорошо, теперь я оставлю тебя в покое. Не скучай, Оливер.

Брэдфорд уходит, люк надо мной захлопывается, и я смотрю вниз на чистый лист бумаги в своих руках. Брэдфорд оставил коробку цветных карандашей рядом со стопкой комиксов. Теперь все это – инструменты для моих творений. Да, мне нравится эта идея. Это будет отвлекать меня, пока я не выберусь отсюда. Я могу создавать новые захватывающие миры и грандиозные приключения.

И я смогу их показать своей маме и Сид. Я знаю, что они все еще живы, хотя смертоносный воздух уничтожил много людей. Моя мама и Сид – самые храбрые люди в мире, поэтому они наверняка живы. Они должны быть среди выживших, которые прячутся в подвале точно так же, как Брэдфорд и я. Это обязано быть правдой, потому что иногда я почти чувствую Сид. Слышу, как она зовет меня по имени.

Оливер...

Откидываясь на подушку, я прикусываю нижнюю губу, глубоко задумавшись. Мне нужно название для моих комиксов. У всех великих историй есть великие названия.

Но какое?

Мои глаза обшаривают тускло освещенную комнату, останавливаясь на каменной стене рядом со мной.

У меня перехватывает дыхание.

Есть!

Оно идеально...

Я вздрагиваю и просыпаюсь, мокрый от пота, пальцы сжимают голубое одеяло, которое я забрал с собой на покрытый ковром пол. Я предпочитаю спать на земле, а не на кровати. Матрас кажется неустойчивым и опасным – роскошь, к которой мне только предстоит привыкнуть.

Хлопчатобумажная рубашка прилипла к моей груди. Груди, которая вздымается от мучительных вздохов, когда спутанные образы угрожают моему хрупкому здравому смыслу. Мои сны и воспоминания об одиноком подвале наполняют меня в равной степени тревогой и комфортом. Это странно.

Прижимая ладони к лицу, я наклоняюсь вперед, пытаюсь вернуть контроль над дыханием. В спальне темно, солнце крепко спит, значит, все еще середина ночи.

Так почему я слышу разговоры и смех?

Я поднимаюсь на ослабшие ноги и подхожу к двери спальни. Голоса становятся громче, когда я открываю ее. Похоже, что они принадлежат моему брату и таинственной девушке.

Сидни?

Прокравшись по коридору, я останавливаюсь как вкопанный, когда частично обнаженная девушка выбегает из комнаты Гейба, хихикая и говоря что-то неразборчивое через плечо. Ее глаза расширяются, когда она замечает меня.

– Оливер! Мне так жаль. Я и забыла, что ты здесь.

Я хмурюсь, наблюдая, как она пытается прикрыть бедра краем футболки, которую, похоже, одолжила у Гейба. Это сестра Сидни – девушка с голубыми волосами и именем, как название фрукта.

Танжерин¹¹, кажется.

В дверном проеме появляется Гейб, без рубашки, его голова стыдливо опущена.

– Извини, чувак. Мы не хотели разбудить тебя.

Танжерин натягивает улыбку, пробегая мимо меня и исчезая в ванной. Я поднимаю глаза на своего брата.

Он прочищает горло.

– Мы просто... играли в игру. В «Твистер». Знаешь, такая с разноцветными кружками и странными позами из йоги? Безумно весело.

– «Твистер»? – я хмурюсь еще сильнее. – Я предположил, что вы занимались сексом.

Рот Гейба складывается в букву «О», брови приподнимаются, ноги шаркают взад-вперед, как будто ему неудобно.

– Верно. Этим мы занимались тоже. После «Твистера», – он кашляет в кулак. – Было так напряженно, типа «кто же победит?». Это очень возбуждает и...

Танжерин выскальзывает из ванной и крадется на цыпочках мимо меня, как будто так она может остаться незамеченной. Люди странные.

– В любом случае извини, что разбудили тебя. Мы будем

¹¹ Клементин и танжерин – это названия видов мандаринов.

вести себя тихо, – заканчивает Гейб как раз в тот момент, когда Танжерин пронесится мимо него и скрывается в темной спальне.

Он одаривает меня неловкой улыбкой и закрывает дверь.

Я со вздохом возвращаюсь в свою комнату, бросаю взгляд на ближайšie часы и понимаю, что уже почти четыре утра. Возможность определить время – это удобство, о котором я и не подозревал.

Я останавливаюсь перед окном своей спальни, бросаю взгляд на соседний дом и замечаю, что комната напротив меня темная и неподвижная. Сидни наверняка спит, как и большая часть мира. Я прокручиваю в голове несколько наших последних разговоров, заостряя внимание на выражении ее глаз в тот момент, когда сказал ей не приходить. Я чем-то обидел ее.

Конечно, я не хотел этого, и ее реакция заставила меня почувствовать себя неловко. Я не привык к этому чувству – к тому, что напоминает маленький клубок страха, распускающийся глубоко внутри. Мои эмоции всегда были довольно стабильными. Можно даже сказать, отсутствующими. Тревога или жалость могли подловить меня только в те моменты, когда я читал захватывающий роман или когда я впервые посмотрел «Принцессу-невесту»¹². Человеческие эмоции смущающие и неожиданные.

¹² «Принцесса-невеста» – американский приключенческий комедийно-романтический фильм 1987 года.

Но я не могу не задаться вопросом, не вызвала ли моя откровенность у Сидни такое же ужасное чувство. И эта мысль только усиливает чувство вины.

Я снова поворачиваюсь лицом к дальней стене. Она частично покрыта карандашными рисунками, создающими знакомый мир, в который я хотел бы убежать. Невероятные герои, новые приключения и загадки, а также прекрасная дама, нуждающаяся в спасении.

Я спасу ее. Я всегда это делаю.

Мои глаза поднимаются выше, читая два слова, которые составляли мне компанию в течение двух долгих десятилетий: «Летопись Лотоса».

* * *

Следующим днем я снова наблюдаю за птицами с бетонного крыльца, наслаждаясь тем, как изящно трепещут их крылья и как быстро и точно хватают еду их клювы. Я очарован.

Как только мои глаза привыкли к солнечному свету, я решил, что солнце – самое чудесное, что есть в свободе. Но по мере того, как я продолжаю познавать флору и фауну, звуки и запахи, мое мнение постоянно меняется.

Я ненадолго выхожу на улицу, – и тут же на своей лужайке появляется Сидни. Сперва я думаю, что она подойдет ко мне, но вместо того девушка посылает в мою сторону мимолетный взгляд.

летнюю улыбку и принимается хлопотать во дворе. Я наблюдаю за ней. Она уходит к боковой части дома с резиновыми перчатками и инструментами, а затем начинает копать маленькие ямки. Перед моими глазами возникает расплывчатое видение о девушке, которая учит меня ухаживать за садом. Добрая, с мягким голосом девушка. Теплая и родная.

Возможно, однажды она приходила ко мне во сне.

Пока я сижу на крыльце в раздумьях, мое внимание мечется между птицами и Сидни. Пернатые существа невероятны, но мой взгляд продолжает тянуться вправо, замирая на девушке, которая кажется мне очень важной. Она вытирает блестящий пот, стекающий по лбу, а после садится на землю, чтобы начать высаживать семена и луковицы.

Почувствовав на себе взгляд, Сидни поворачивается ко мне, – от этой внезапности я отвожу глаза. Но проходит совсем немного времени, прежде чем я искоса замечаю, как она неторопливо идет ко мне, вся в пятнах грязи. Я упорно продолжаю смотреть куда-то перед собой.

– Доброе утро, – тихо здоровается она, останавливаясь всего в нескольких метрах от меня. – На улице сегодня очень хорошо. Я решила пораньше заняться своим огородом.

Я прочищаю горло, наклоняя голову. Смысл слов ускользает от меня, как это часто случается.

– Послушай, я знаю, ты не хотел меня видеть, но...

– Я хотел тебя увидеть, – я вздрагиваю от звука собственного голоса, а затем поворачиваюсь, чтобы посмотреть на

нее. – Я просто не хотел, чтобы видели *меня*.

Тяжесть моего признания мгновенно смягчает ее, и она воспринимает мои слова как приглашение подойти ближе. Я окидываю ее взглядом, отмечая, что она выглядит совсем не так, как прошлой ночью. Она одета в футболку с изображением неизвестного мужчины, ее льняные волосы собраны наверх, а лицо больше не накрашено. Простой же ночью на ней был обтягивающий откровенный наряд, от которого у меня в животе защекотало.

Все это сбивает с толку.

От нее пахло чем-то сладким и приятным, чем-то, что я не мог определить. Сейчас от нее веет таким же ароматом, – особенно четко я его ощущаю, когда Сидни преодолевает расстояние между нами и садится рядом со мной на крыльцо. Наши плечи слегка соприкасаются, прежде чем я отодвигаюсь на сантиметр.

Мы долго сидим в тишине, оба загипнотизированные птицами, клюющими семена. Я с любопытством поглядываю в сторону девушки каждые несколько секунд, но не задерживаю взгляд слишком надолго.

– Ты очень талантливый художник, – говорит Сидни, нарушая тишину. – Я видела твои рисунки на стене. Ты сам научился?

Я заставляю себя медленно кивнуть.

– Да.

– Впечатляюще. Я тоже работаю в сфере изобразительно-

го искусства... В основном я рисую. Я ходила на занятия, когда была моложе, но считаю, что в первую очередь мастерство зависит от практики и рвения.

Ее глаза сверлят меня – я чувствую их. Горящие и умоляющие. Она хочет, чтобы я ответил, дал ей малейшее представление о моем беспокойном разуме.

– Очевидно, что у тебя есть и то, и другое, – продолжает она. – Могу я спросить, что ты рисовал?

Сначала я хочу воздвигнуть вокруг себя еще больше стен и не пускать ее точно так же, как и остальных. Но в Сидни есть что-то особенное. Странная, манящая аура, которая заставляет меня убирать кирпичик за кирпичиком, приближая стену к разрушению.

Я сжимаю колени ладонями, когда обдумываю ответ.

– Это комикс. Я создал его, когда был ребенком, – говорю я, делясь с этой девушкой частью себя. Той частью, с которой я ни с кем не делился за пределами своей клетки. – Это помогало мне справиться с одиночеством. История почти стала мне... *другом*.

Я набираюсь смелости взглянуть на нее и обнаруживаю на ее лице выражение, которое не могу точно описать. Взгляд, полный изумления и толики грусти.

Когда я думаю, что Сидни скажет что-то еще, она встает, чем удивляет меня.

– Подожди здесь. Я сейчас вернусь, – говорит она с улыбкой.

Я смотрю, как девушка пробегает трусцой через оба двора, исчезая в своем доме. Проходит несколько минут, прежде чем она возвращается ко мне, сжимая что-то в руках.

Все с той же улыбкой и слегка запыхавшаяся, она протягивает подарок.

– Вот. Я подумала, что тебе может пригодиться. Это блокнот для рисования и коробка заточенных карандашей.

Я беру вещи из ее протянутых рук. Мое сердцебиение учащается.

Волнение. Энтузиазм.

Благодарность.

– Думаю, лучше использовать их, чем стену, – добавляет она, подмигивая.

Я наслаждаюсь мыслью о новых возможностях, когда держу в руках этот увесистый блокнот. И еще я наслаждаюсь ее ослепительными глазами.

Я решаю, что мне гораздо больше нравится *этот* образ, чем вчерашний.

– Спасибо, – бормочу я, мой голос низкий и благодарный. – Это очень любезно с твоей стороны.

Сидни стоит надо мной, по-видимому, довольная моим ответом. Она поправляет очки, слегка наклоняя голову, и говорит:

– Ты умный. Сразу понятно.

Я кладу карандаши и блокнот на колени. Поразмыслив над ее оценкой, я киваю.

– Да, я образованный. И много знаю.

И все же большую часть времени я чувствую себя недалеким. Я совершенно не разбираюсь в современных технологиях, – особенно в устройствах, используемых для связи. Помнится, когда я сбегал, именно на них меня снимали люди, сидящие в машинах. Записи мне показали уже позже. Да и Гейб всегда развлекается со своим странным аппаратом, как будто это его любимая игрушка.

– Как ты учился? – удивляется Сидни, складывая руки вместе. – Ты ходил в школу?

Стопки книг проносятся у меня в голове. Брэдфорд приносил мне десятки художественной литературы, практических руководств, учебников и методических пособий. Все, что я делал, – это учился.

Я собираюсь ответить, когда нас обоих застает врасплох незнакомец, делающий снимки с края лужайки. Я поднимаюсь на ноги, отступая.

– О, черта с два! – заявляет Сидни, бросаясь к мужчине с камерой. – Это частная собственность! Тебе здесь не рады!

Я наблюдаю за сценой с крыльца. Сидни тем временем бросается на мужчину, загораживая меня от его взгляда. Незнакомец пытается увернуться от нее, делая еще больше фотографий.

– Ты что, не слышал меня?! Проваливай!

– Оливер Линч! – кричит мужчина. – Мы хотим узнать вашу историю. Вы не сможете прятаться вечно.

Я чувствую, как мое тело коченеет, кирпичная стена быстро собирается заново. Я пачусь назад, пока не сталкиваюсь с дверью. Их голоса кажутся все отдаленнее. Тем временем я мысленно отступаю в свою клетку, берусь за ручку дверцы и поворачиваюсь, чтобы проскользнуть внутрь.

Чтобы спрятаться.

Я не осмеливаюсь взглянуть на Сидни, когда исчезаю за порогом. Я коллекционирую ее образы, как маленькие сокровища. Но уверен, сейчас на ней тот, который я предпочел бы не сохранять.

Глава 6

Сидни

Тем утром Клементина со стыдливым выражением лица и потрепанным внешним видом приходит ко мне.

– Я сношалась с твоим соседом.

Я догадалась.

Мой ответ пробивается наружу через набитый глазированным пончиком рот.

– Никто больше не говорит «сношаться».

– Это серьезно, Сид. Я знаю этого парня с тех пор, как мы сравнивали наши трусы с Супер Марио¹³ в его спальне, пока смотрели «Шоу Рена и Стимпи»¹⁴, – она раздраженно фыркает. – Теперь я знаю, как выглядит его пенис. Это не нормально.

– С его пенисом что-то не так?

Клем свирепо смотрит на меня.

– Нет. Проблема в ситуации, связанной с его пенисом.

– Ладно, давай перестанем говорить о «пенисе» Гейба. Еще слишком рано для подобных образов в голове. – Я бро-

¹³ Super Mario Bros. – видеоигра в жанре платформера, разработанная и выпущенная в 1985 году японской компанией Nintendo для платформы Famicom.

¹⁴ «Шоу Рена и Стимпи» – американско-канадский мультипликационный сериал, повествующий о приключениях двух антропоморфных зверей – пса Рена и кота Стимпи.

саю недоеденный пончик на кухонный стол и откидываюсь назад, наблюдая, как моя сестра расхаживает передо мной. – Так, было хорошо? Ты сожалеешь?

Она замолкает, поджимая губы и избегая моего взгляда.

– Не сожалею.

Что ж, будь я проклята.

Я надуваю щеки и медленно выдыхаю.

– Это действительно чертовски интересно, не буду врать.

– Это странно, я знаю.

– Дико странно.

Клем теребит свою мятую блузку, тушь размазана под глазами. Она прислоняется бедром к моему кухонному островку и смотрит на меня.

– Говоря о странностях, Оливер снова сидел на крыльце, когда я уходила. Мы разбудили его прошлой ночью.

– Господи, Клем. Как будто его надо еще сильнее травмировать. Ему и так досталось.

– Я забыла о нем, ясно? И не то чтобы он увидел какие-то обнаженные части тела или что-то в этом роде. – Она замолкает, задумчиво наморщив нос. – Как думаешь, он когда-нибудь раньше видел обнаженную женщину?

Взволнованная, я поворачиваюсь спиной к сестре и притворяюсь, что занята на кухне.

– Не знаю, сестренка. Я об этом не думала.

Вранье. Я не раз об этом думала.

– Кстати, что с тобой случилось? – спрашивает она, ме-

няя тему. – Похоже, вы с Куртом подрались с грязевым монстром, и вам надрали задницы.

Я опускаю взгляд на свою заляпанную землей футболку с Куртом Кобейном¹⁵ и пожимаю плечами.

– В саду копалась.

– Вот это ты хозяйюшка.

– Только не проси меня готовить.

Следующие полчаса мы болтаем, потягиваем апельсиновый сок и полностью уничтожаем коробку пончиков.

Клем вздыхает, поднимаясь со стула, берет свою сумочку со стола и направляется к двери.

– Ну, мне нужно забрать Поппи от ее невыносимого отца. Надеюсь, он заметит мою прическу под названием «меня только что трахнули», – и после этого бормочет про себя: – Ублюдок.

– Не переживай. От тебя исходит сексуальная энергетика.

Мы толкаем друг друга локтями, и я провожаю ее. Затем поднимаюсь в свой кабинет, чтобы проверить электронную почту. Алексис как верный спутник следует за мной.

День сменяется сумерками, и я успешно справляюсь со всеми делами. Ну, за исключением того, что я не приняла душ и съела целую замороженную пиццу в одиночку. Впрочем, все в порядке – осудить меня может только кошка.

В момент, когда я выбираю между книгой и вибратором,

¹⁵ Курт Дональд Кобейн – американский рок-музыкант, вокалист, гитарист и автор песен. Наиболее известен как основатель и лидер рок-группы «Нирвана».

снизу доносится грохот. Я качаю головой, гадая, какой беспорядок только что подготовила для меня кошка. На прошлой неделе она опрокинула растение в горшке и оставила крошечные отпечатки лап по всему ковру в моей гостиной. Эх.

Выбрав для начала книгу, потому что после нескольких глав у меня неизбежно появится желание взяться за вибратор, я пролистываю до закладки и откидываюсь на подушки. Я улыбаюсь Алексис, которая свернулась калачиком внизу кровати.

– Скоро мне придется тебя согнать. Я буду делать вещи, не предназначенные для невинных кошачьих глаз.

Алексис вздыхает, и я хихикаю про себя.

А потом моя кровь стынет в жилах.

Я сажусь прямо, сердце выпрыгивает из своего уютного заточения.

Черт. Дерьмо. Сука.

Если Алексис на моей кровати, то внизу либо призрак, либо психопат с топором, жаждущий вытащить мои кишки и носить их как шарф.

Балл за драматизм и креативность.

Я ищу любой предмет, похожий на оружие. Что-то между моим вибратором и распятием, которое я храню под кроватью, хотя не являюсь практикующей католичкой с тех пор, как узнала, что Санты не существует. Но я храню крест просто на всякий случай. Ад намного страшнее, чем уголь в чулке.

ке¹⁶.

Когда я выскользываю из спальни, мои липкие пальцы сжимают распятие. Я закрываю за собой дверь, чтобы Алексис оставалась в безопасности. Затем на цыпочках спускаюсь на первый этаж своего трехэтажного дома, пытаюсь вспомнить приемы, которым научилась на занятиях тхэквондо в семь лет.

– Почему ты держишь крест?

Я разворачиваюсь и почти пронзаю сердце Гейба.

– Черт, – восклицает он, хватая меня за запястье, прежде чем оно ударяется о его грудь. – Господи Иисусе. Полегче, Баффи¹⁷.

– Какого черта, Гейб? – Моя грудь вздымается, ноги дрожат. – Ты напугал меня до чертиков.

Он вырывает распятие из моей руки, с прищуром разглядывая его.

– Буквально «Господи Иисусе». Спрошу снова: почему ты держишь крест? Ты собиралась провести еще один сеанс по воскрешению Курта Кобейна из мертвых?

– Тьфу. Будь ты проклят, – бормочу я, пытаюсь привести нервы в порядок. – Что ты делаешь в моем доме?

– Не выгляди такой удивленной. Я всегда прихожу без предупреждения.

¹⁶ Согласно легенде, непослушным детям в Рождество в чулки или носки, которые вешают на камин, Санта кладет уголек.

¹⁷ Отсылка на телесериал «Баффи – истребительница вампиров».

– Но не когда ограбление моего дома в самом разгаре!
Одна из его бровей недоуменно выгибается.

– О чем ты говоришь?

Забрав крест назад, я бросаю его на диван и встряхиваю руки, как будто пытаюсь избавиться от мурашек. Затем глубоко вдыхаю.

– Я услышала шум. Сначала я подумала, что моя кошка что-то опрокинула, но она была со мной в спальне. Значит, не иначе человек в маске прячется за моим фикусом, чтобы надругаться надо мной.

Мы оба бросаем взгляд на фикус и вздыхаем, так как там пусто.

– Вероятно, это просто был я, – решает Гейб. – Ты ведешь себя как параноик.

– Попробуй быть женщиной, которая живет в одиночестве после трех месяцев преследования.

Он поднимает руки вверх.

– Прости. Ты права. – Гейб неторопливо подходит к дивану и плюхается на него, закидывая руки на спинку. Его темно-зеленые глаза поднимаются на меня, когда он наклоняет голову вправо. – У нас так и не было этого «Всегда солнечно» марафона.

Пожав плечами, я осторожно подхожу к нему, все еще на взводе.

– Твой брат, буквально воскресший из мертвых, немного отвлек нас, – говорю я, садясь рядом с ним и прочищая гор-

ло. – Кроме того, ты сейчас очень занят.

Гейб стонет и поднимает три пальца, а после начинает загибать по одному, будто ведя отсчет до чего-то.

– Ну знаешь, трахаешься с моей сестрой и все такое.

– И вот оно, – заключает он, драматично указывая на меня указательным пальцем.

Улыбка сползает с лица, и я качаю головой, подтягивая колени к груди.

– Неважно. Я не возражаю. Хотя бы кто-то действует.

– Что случилось с Милтоном?

– То и случилось, что его зовут Милтон, – отвечаю я. – Кажется, родители его сильно ненавидели, раз дали такое имя.

Смех вырывается из моего друга, когда он вытягивает ноги.

– Туше.

– В любом случае, я не заинтересована в отношениях. Ты знаешь меня – я независимая неряха.

– Это все те пошлые книжки, которые ты читаешь. Твои стандарты слишком высоки.

Я усмехаюсь, тянусь к пульту и включаю «Нетфликс». Гейб прав. Может быть, я стала безразлична к реальным мужчинам. Может быть, мои желания живут между страницами книг, в которых герои с двадцатипятисантиметровыми шлангами и волшебными языками делают такое, что у их дам глаза на лоб лезут.

А все, что получаю я, – это сталкеры и парни по имени

Милтон.

Ну что ж. Я совершенно не против того, чтобы жить в своем вымышленном мире и однажды умереть сумасшедшей кошатницей.

* * *

Я подскакиваю в постели, не понимая, что, черт возьми, меня только что разбудило.

Сон? Еще один странный шум?

Гейб, который вломился как псих?

Оглядывая затемненную комнату в поисках моей кошки, я ловлю ее горящие глаза у порога. Она мяукает, когда я замечаю ее. Может, она хочет пить – я совсем забыла проверить ее миску перед тем, как поднялась к себе и легла спать.

Алексис снова мурлычет, и я тру глаза, стараясь заставить себя выползти из постели и позаботиться о своей кошке. Должно быть, именно так чувствуют себя родители.

– Хорошо, хорошо, я иду. Такая нетерпеливая.

Я чувствую себя зомби, когда спускаюсь по лестнице и иду через гостиную на кухню. Лампочка над раковиной горит, – света от нее достаточно, чтобы я понимала, что делаю. Заглядывая в миски Алексис, я понимаю: воды достаточно, и у нее даже осталось немного корма с ужина. Я ругаюсь сквозь зевок и смотрю на часы. Сейчас немного за полночь.

В такие моменты я рада, что работаю дома. Моя уставшая

задница завтра будет спать.

– Ты обманула меня, киса. Я никогда больше не поверю...

Я запинаюсь, обернувшись. Взгляд цепляется за мою любимую вазу на полу, каким-то образом сбитую с пристенного столика. Вода почти полностью высохла, а весенний букет россыпью лежит на плитке.

Неприятное покалывающее ощущение возвращается – это знакомый укол страха.

Я смотрю на упавшие цветы дольше необходимого, пытаюсь найти логичные причины этому беспорядку. Я замираю, пытаюсь все обдумать. Алексис была в моей комнате, когда я вздрогнула и проснулась, так что она ни при чем. И цветы были на своем привычном месте, когда я поднялась наверх вечером, чтобы почитать.

Это был тот самый грохот.

Это был чертов грохот, и я знаю, что Гейб признался бы, разбей он эту вазу.

Я закрываю глаза, тяжело сглатывая и пытаюсь решить, что делать дальше. Думаю, мне нужно позвонить в полицию. Я чувствую себя в опасности. Я чувствую, что за мной наблюдают. *Я чувствую угрозу.*

Я быстро осознаю, что оставила свой мобильный телефон в кабинете, когда проверяла электронную почту, поэтому мчу на дрожащих ногах к лестнице. Сердцебиение тяжелыми ударами отдается в груди. Мой рот словно немеет от резких, прерывистых вдохов.

Когда я поднимаюсь наверх, а затем заворачиваю за небольшой угол к своему кабинету и толкаю дверь, эти вдохи полностью сходят на нет. Ноги приклеиваются к полу, тошнота подступает к горлу, а глаза округляются от шока, когда мужчина, одетый во все черное, поворачивается и встречается со мной взглядом. Он держит мой компьютер в руках, а его лицо скрыто лыжной маской. Незванный гость выглядит почти таким же удивленным, как и я.

Какого черта?

На мгновение мое тело немеет и отказывается двигаться, – как будто его удерживает невидимая сила. Незвестный откладывает мой ноутбук и осторожно приближается ко мне. Его ладони, спрятанные в перчатки, подняты и обращены вперед в безмолвной просьбе сохранять спокойствие. Но именно тогда мои инстинкты берут верх, и я решаюсь убежать. Я резко разворачиваюсь и, чуть не спотыкаясь, бросаюсь к лестнице. Далее перепрыгиваю через две ступеньки зараз, не сводя глаз с выхода. Желанная свобода находится по другую сторону этой деревянной рамы.

Только я не добираюсь до входной двери, потому что чувствую его позади себя. Меня передергивает от ужаса, и крик срывается с моих губ прежде, чем я успеваю даже подумать о том, чтобы дотянуться до дверной ручки. Две руки крепко обхватывают меня за талию, поднимая. Одна из этих рук тянется вверх, и обтянутая кожаной перчаткой ладонь зажимает мне рот, заглушая крик. У меня получается издать только

низкий приглушенный звук, когда незнакомец разворачивает меня и тащит обратно к лестнице.

Твою мать.

Этого не может быть.

Я размахиваю ногами, нанося бесполезные удары, а мои ногти впиваются в руку, зажавшую рот. Он так сильно сжимает мою челюсть, что я едва могу дышать. Когда меня несут вверх по лестнице, одной рукой я хватаюсь за перила, в попытке не дать затащить себя в спальню и жестоко изнасиловать. А это, несомненно, вот-вот произойдет.

Моя хватка на удивление сильна, наполнена адреналином. И мужчина всего на мгновение отпускает мой рот, чтобы оттащить меня от перил. Я снова кричу и ударяю ублюдка в промежность. Он с рычанием отшатывается, и я вырываюсь. Далее избегаю по ступенькам, чтобы запереться в спальне, и одновременно придумываю план побега. Мой мобильный телефон в кабинете, но там нет замка, поэтому я не успею схватить его.

Дерьмо.

Мужчина хватается за лодыжку прежде, чем я достигаю верха лестницы. Я падаю лицом вперед, ударяясь подбородком о край ступеньки и впиваясь зубами в нижнюю губу. Кровь сочится из раны, наполняя мой рот медным привкусом. И тут я чувствую, что меня снова поднимают. Поэтому мне ничего не остается, кроме как резко откинуть голову назад и врезаться в его челюсть. Боль пронзает мой затылок,

но меня даже не волнует вероятность того, что я получила сотрясение мозга. Ведь главное, что его хватка ослабевает.

Это карма, урод.

На этот раз мне удастся убежать без препятствий. Я мчусь изо всех сил в свою спальню, уже решив, что я абсолютно готова выпрыгнуть из окна ради безопасности. Я лучше переломаю все кости в своем теле, чем буду изнасилована и замучена этим больным ублюдком.

Я врываюсь в дверь своей спальни, кровь стекает по моему подбородку и пачкает майку. Когда я поворачиваюсь, чтобы захлопнуть дверь, то вижу, что он уже здесь. *Он, черт бы его побрал, уже здесь.* Мужчина упирается спиной в дерево, пытаюсь пробиться внутрь.

И у него это конечно получается!

– Нет! – я вскрикиваю, падая назад под тяжестью летящей на меня двери.

Мужчина одет с головы до ног в черную одежду, его лицо скрыто лыжной маской. Видны только его глаза-бусинки, – и то я с трудом могу разглядеть их в темноте. Он хватается за мои волосы, а затем, потянув за них, бросает меня на кровать так, будто я вообще ничего не вешу. Я ударяюсь о матрас, и он мгновенно садится сверху, удерживая мои запястья и прижимая коленом мои бедра к кровати.

Мужчина рычит мне в лицо:

– Ты, маленькая сучка. Тебе было просто необходимо все усложнить.

Крик разрывает мое горло, и в ответ он сильно бьет меня по лицу, оставляя огненный след на щеке.

– Кто ты, черт возьми, такой? Что тебе нужно? – шиплю я, пока слезы застилают мне глаза.

– Ответы.

Я извиваюсь под ним, мое тело выгибается, пытаюсь высвободить одну из конечностей. Он наклоняется ближе к моему лицу, наши носы почти соприкасаются. Поэтому я поворачиваю голову в сторону и пытаюсь сдержать всхлип. Его голос низкий и хриплый, как будто он пытается его замаскировать. И его дыхание странно пахнет... эвкалиптом.

Незнакомец рычит мне в ухо, пока я продолжаю бороться:

– Скажи мне, что он...

Слова мужчины обрываются, и до меня доходит, что он больше не сидит на мне. На мгновение я теряюсь, прикованная к кровати ужасом и неверием. Но потом я приподнимаюсь, чтобы понять, что, черт возьми, только что произошло.

У меня перехватывает дыхание, когда я вижу перед собой Оливера Линча. Он швыряет нападавшего на пол, и, полностью обезумев, безостановочно бьет мужчину по лицу.

О. Мой. Бог.

Так как мой телефон вне досягаемости, я не придумываю ничего лучше, чем подбежать к окну, распахнуть его, а затем истошно начать звать на помощь. Достаточно крикнуть три раза, чтобы Лорна Гибсон высунула голову из своей входной двери. И тут я кричу в отчаянии:

– Позвоните в 911!

Мчась обратно к месту драки, я по пути хватаю лампу и замахваюсь ей над двумя мужчинами. Как только нападающий начинает побеждать, я ударяю его лампой.

Только вот в ту же секунду Оливер переворачивает их обоих и оказывается сверху.

Лампа врезается в его череп.

Черт!

Оливер со стоном хватается за затылок и заваливается на бок, в то время как человек в маске вскакивает на ноги и пытается сбежать.

Он выбегает из моей спальни, как гребаный трус.

– Черт. Твою мать. Мне так жаль.

Я присаживаюсь рядом с Оливером на корточки, протягиваю руку, чтобы коснуться его раны на голове.

Я оказываюсь застигнута врасплох, когда Оливер подпрыгивает, хватая меня и прижимает к земле за запястья. Он нависает надо мной, держа меня. Несмотря на темноту, я вижу, как его лицо выражает сперва слепую ярость, а затем шок и ужас. Через мгновение до него доходит, что злодей – не я. Он ослабляет хватку на моих руках. Его глаза пробегают по моему лицу, убеждаясь, что это действительно я.

Оливер встает не сразу. Нахмурившись от обуревающих его чувств, он продолжает нависать надо мной. Наши груди и пах прижимаются друг к другу с каждым тяжелым, прерывистым вдохом. Наши взгляды слились, а тела дрожат от

эмоций, вырывающихся наружу.

Полицейские сирены рушат момент. И Оливер трясет головой, отпуская меня так быстро, будто мои руки уподобились пламени. Он вскакивает, как ошпаренный, а после приземляется рядом со мной и отползает назад, пока между нами не остается значительное расстояние. Я сажусь, все еще тяжело дыша, все еще представляя собой клубок из боли, страха и замешательства.

На меня только что напали. Меня могли изнасиловать. Я вся в запекшейся крови и уже чувствую, как на моей челюсти расплывается синяк.

И Оливер Линч спас меня. Мужчина, неспособный даже прикоснуться к другому человеку, защитил меня от нападавшего, не раздумывая ни секунды.

– Ты спас мне жизнь.

Мои слова – хриплый шепот, потому как мой голос сорвался от криков.

Мы сидим друг напротив друга на полу в моей спальне, сталкиваясь взглядами сквозь покров темноты и слушая, как приближаются сирены.

Оливер отвечает так тихо, что я почти не слышу его.

– Я всегда спасаю тебя.

Глава 7

Оливер

Я все еще слышу ее крик, когда прижимаю кубики льда к разбитым костяшкам пальцев.

Последние несколько дней были вихрем из сирен, правоохранительных органов, допросов, заявлений и потока благодарности за мой героизм.

Все как в тумане. Дни, часы, минуты слились воедино.

Только ее крик выбивается из всего.

По словам Гейба, последние несколько ночей Сидни провела со своей сестрой. Поэтому ее дом стоит темный и пустой, наполненный ужасами, произошедшими три ночи назад. Я все еще вижу, как она смотрит на меня, прерывисто дыша, ее глаза широко распахнуты, волосы в беспорядке, нижняя губа треснула и из нее сочится кровь. Возможно, я и спас ее, но этого было недостаточно.

В моих собственных историях я быстрее. Сильнее. Храбрее. Она никогда не смотрит на меня с кровавыми слезами, струящимися по ее щекам, испуганная и дрожащая, навсегда заклеянная уродливым пятном.

Мне кажется, что я потерпел неудачу.

Голос Гейба врывается в мои мрачные размышления, когда он шаркающей походкой идет на кухню, взъерошивая

свои волосы пятерней.

– Как заживает твоя рука? – спрашивает он, открывает холодильник, смотрит внутрь целых тридцать секунд, затем закрывает дверцу.

– Хорошо.

– Здорово. Продолжай морозить пальцы.

Он снова открывает дверцу, осматривая содержимое, как будто там что-то могло волшебным образом появиться. Гейб разочарованно вздыхает и снова закрывает холодильник.

– Давай завтракать?

Я хмурюсь, озадаченный просьбой. Гейб обычно ест хлопья на завтрак, поэтому я открываю верхний шкаф и беру коробку с полки.

На его лице появляется подобное моему замешательство, когда я передаю ему «Лаки Чармс». Затем его рот растягивается в улыбке.

– Черт, прости. Я имел в виду, не хочешь ли ты пойти куда-нибудь поесть? Ну, знаешь, в ресторан?

О. Я выбрасываю тающие кубики льда в мусорное ведро и засовываю руки в карманы своих синих джинсов. Гейб заказал мне новую одежду с самой Амазонки¹⁸, и она удивительно хорошо подошла. И прибыла гораздо быстрее, чем можно было ожидать при таком большом расстоянии.

Обдумав его предложение, я прочищаю горло.

– Не знаю. Это кажется... трудным.

¹⁸ Каламбур с названием реки и крупным интернет-магазином.

До этого мне приходилось покидать этот дом только для того, чтобы дать показания полицейским, подробно описав покушение на Сидни и нападавшего. Он был безликим, совсем как злодей в моих собственных комиксах. Весь процесс был мучительным и некомфортным, так что я предпочитаю оставаться внутри дома и держаться особняком.

– Давай же, будет здорово, – убеждает мой брат. – Тебе нужно познакомиться с реальным миром – таким, который не связан с полицейскими участками.

– Полагаю, у меня нет выбора, да?

– Если ты хочешь познать жизнь, то да. Всем необходимо выходить из зоны комфорта, чтобы расти и учиться.

Я ловлю себя на том, что киваю, несмотря на сомнения. После многих лет скорби по миру, который, как я думал, был уничтожен, я должен радоваться тому факту, что все иначе.

– Хорошо.

Гейб хлопает в ладоши.

– Потрясающе. Дай мне время очень быстро переодеться, а потом мы отправимся в путь.

Двадцать минут спустя мы сидим друг напротив друга в красной кабинке с пластиковыми меню на столе. Пахнет яичницей с беконом. Брэдфорд иногда приносил мне горячие тарелки со свежей едой, и одним из моих любимых блюд была яичница с беконом. Я всегда был рад, когда получалось насладиться чем-то, кроме спагетти в банке или холодных супов.

Я чувствую на себе взгляд Гейба, когда просматриваю меню. Здесь такой большой выбор. Мой взгляд скользит вверх к брату, который смотрит на меня, скрестив руки на груди.

– Ты хотел что-то сказать? – интересуюсь я.

– Нет, я просто... Я не думал, что ты умеешь читать.

Я поджимаю губы и снова опускаю глаза.

– Я умею читать. И писать. И рисовать.

– А петь?

– Не очень хорошо.

Я не пытался шутить, но Гейб смеется, откидываясь на спинку стула с довольной ухмылкой.

– Ты просто что-то с чем-то, Оливер. Я даже представить не могу, что с тобой случилось...

Я стараюсь не возвращаться в тот подвал. Постепенно воспоминания о предыдущем жилье все меньше и меньше успокаивают меня.

– Было довольно одиноко, – вот и все, что я рассказываю ему.

Гейб не давит на меня, требуя больше информации, и я благодарен за это. Вместо этого он ковыряет облупившийся пластик меню, переводя взгляд то на меня, то на предоставленные блюда. Он нарушает молчание несколько мгновений спустя.

– Знаешь, мы искали тебя. Мы все были уверены, что ты рано или поздно вернешься. Твоя мама особенно, она... – он замолкает, эмоции захлестывают. – Она была не в себе в

течение многих лет. Но она никогда не теряла надежды, что однажды тебя найдут. Мне больно оттого, что она так и не смогла увидеть тебя.

Тяжесть этих слов окутывает наш стол, клубится между нами, сдавливая мою грудь. Мне уже рассказали, что мою мать звали Шарлин Линч и что она скончалась десять лет назад от рака легких. Мой биологический отец умер, когда мне было всего семь месяцев, а мой отчим, Трэвис, живет недалеко с границей Висконсина.

Я понимаю, что должен скучать по своей матери, но трудно почувствовать искреннюю скорбь к кому-то, кого я едва могу вспомнить. Иногда у меня возникают туманные образы женщины с медными волосами и светло-кариими глазами. В этих воспоминаниях она читает мне сказку или гоняется за бабочками вместе со мной. Она всегда улыбается. Всегда счастлива. Воспоминания наполняют меня теплом, но, кажется, я никогда не могу полностью прочувствовать их.

– Я не очень хорошо ее помню, – признаюсь я, и мой голос срывается на последнем слове, пока руки сжимают тканевую салфетку на коленях. – Все так смешалось. Мои воспоминания кажутся искаженными. Отравленными в каком-то смысле.

– Тебе промывали мозги двадцать два года, чувак. Это можно понять.

Я киваю, несмотря на волну тревоги, захлестнувшую меня. На моем лбу выступает испарина, когда я оглядываю

переполненный ресторан. Я наблюдаю за большими группами людей, перемещающимися вокруг, разговаривающими громко и пронзительно, будто они соревнуются со звоном тарелок и бьющегося стекла. От происходящего кружится голова.

Мое внимание привлекает маленькая девочка с выгоревшими на солнце косичками. Она неуклюже бегаёт вокруг стола кругами, держа в руках плюшевого мишку. Быстрая вспышка пронзает мой разум, что-то яркое и почти болезненное.

«У меня есть секрет, но я боюсь тебе его рассказать».

«Ты можешь рассказать моему плюшевому мишке. Она очень хорошо умеет хранить секреты».

Я сжимаю голову руками, заставляя Гейба наклониться вперёд и дотронуться до моей руки.

– Чувак, ты в порядке? Что случилось?

Прикосновение побуждает меня выпрямиться, и я высвобождаю руку. Я пытаюсь избавиться от неожиданно накатившей волны похороненного в памяти воспоминания. Я хочу уцепиться за сами образы, но они снова исчезают в моем подсознании и распадаются вместе со многими другими утраченными эпизодами. Заставив себя сохранять спокойствие, я стискиваю зубы и впиваюсь пальцами в бедра.

– Мне просто стало не очень хорошо из-за окружающей обстановки. Я не привык к такому количеству людей.

– Черт, прости. Я поторопился, – Гейб выглядит виноватым, несчастным. – Хочешь вернуться домой?

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду дом на Брайрвуд-лейн, а не мою нору.

Дом. Теперь это мой дом.

Быстрым покачиванием головы я отклоняю его предложение.

– Я бы хотел съесть яичницу с беконом.

* * *

Мы въезжаем на подъездную дорожку и обнаруживаем Сидни, сидящую на крыльце Гейба.

Моем крыльце.

Шквал неоднозначных чувств охватывает меня, и мое сердце, кажется, начинает биться немного быстрее, а кожа становится разгоряченной и зудящей. Колени Сидни подтянуты к подбородку, руки обнимают ноги, и она раскачивается вперед и назад, как будто в ритме какой-то мелодии.

Когда мы выходим из машины, она поднимается на ноги, проводя руками по штанам. Она посылает нам улыбку, которая в этот раз не освещает ее лица.

– Сидни... Черт, я ужасно беспокоился о тебе.

Гейб мчится к ней так, будто не может ждать ни секунды. Я тоже это чувствую, но внешне остаюсь спокойным. Я плетусь за ним, почесывая затылок и отводя глаза.

Ее голос заставляет меня снова поднять глаза.

– Я в порядке. Все еще немного потрясена, но я это переживу. Копы обыскали мой дом этим утром, но мне было немного страшно заходить внутрь одной. Поэтому я запустила туда кошку и ждала здесь... – Сидни обхватывает себя руками, как будто от этой мысли по ее телу пробегает холодок. Она пристально смотрит на меня, в ее чертах запечатлено что-то мягкое и доброе. – Привет, Оливер.

Это просто приветствие, но оно звучит словно нечто большее. Я сглатываю.

– Привет.

Мы не разрываем взгляды несколько ярких секунд, прежде чем Гейб делает шаг вперед и приподнимает Сидни, стискивая ее в объятии, пока она не начинает визжать. Это игривый, легкий и жизнерадостный звук. И мне интересно, каково это – чувствовать себя настолько невесомым и беззаботным, хотя бы на мгновение.

Укол зависти пронзает меня насквозь. Я не знаком с этим чувством, поэтому отмахиваюсь от него.

Когда я подхожу ближе, то замечаю фиолетовый синяк на левой щеке Сидни, а также заживающую ранку на ее нижней губе. Я снова злюсь на себя.

Сидни шепчет что-то на ухо Гейбу, и он кивает, отступая и позволяя ей подойти ко мне. Ее руки сцеплены перед собой, и она выглядит такой же нервной, как и я. Девушка прикусывает губу, прежде чем озвучить свою просьбу:

– Ты не против зайти внутрь вместе со мной?

Я перевожу взгляд с Сидни на моего брата, думая, что он гораздо лучше подходит для этой задачи. Но Гейб вздергивает подбородок в молчаливом одобрении, поэтому я возвращаю внимание к Сидни и неохотно соглашаюсь:

– Хорошо.

Кажется, она хочет дотронуться до моей руки, но останавливает себя. Благодарен я или разочарован – мне не понять.

Вместо этого она засовывает руки в задние карманы и указывает головой на свой дом, приглашая следовать за ней. Мы молча идем по ее двору, бок о бок, пока до меня доносится ее приятный аромат. Я не могу точно описать запах, но мне он напоминает весну... Благоухающие цветы, которыми я дышу, когда сижу на улице и наблюдаю за птицами.

Сидни смотрит на меня из-под длинных ресниц, – сегодня на ней нет очков. Синяк тянется вверх по одной стороне ее лица, почти достигая виска. Она заправляет прядь волос за ухо, открывая три сережки в виде серебряных колечек.

– Я, эм, хотела поблагодарить тебя за то, что ты сделал той ночью. Не могу представить, что бы случилось, если бы ты не... – она смотрит вниз на свои мельтешащие ноги, когда мы приближаемся к входной двери. – Это было очень храбро.

– И все же ты была ранена. Мне жаль, что я не был быстрее.

Мое признание заставляет ее вскинуть голову и устремить

на меня острый и упрямый взгляд. Тем временем ее рука замирает на полпути к дверной ручке.

– Ты спас мне жизнь, Оливер. Я предпочитаю разбитую губу похоронам.

Не зная, как на это реагировать, я сохраняю молчание, пока мы, наконец, входим в ее дом. Кошка приветствует нас в коридоре, восторженно мяукая.

– Это Алексис. Я впустила ее внутрь, когда сестра высадила меня, но у Алексис нет понятия о времени, – смеется Сидни, подхватывая кошку на руки и поглаживая ее ржаво-оранжевую шерстку.

Хотел бы я сказать про себя то же самое.

Время – это все, что я знал. И оно было моим злейшим врагом.

– Хочешь погладить ее?

– Ох... – Я неуверенно облизываю губы и подхожу ближе к животному, заинтригованный этим энергичным созданием. – Хочу, если она не против.

Сидни улыбается, и на этот раз ее улыбка яркая и знакомая, что заставляет мое сердце подпрыгнуть.

– Конечно. Ей нравятся люди. Прошло уже десять лет, как я взяла ее совсем крошечным котенком.

Мои пальцы проходятся по ее мягкой, шелковистой шерсти. И я чувствую, как вибрации от ее мурлыканья согревают мою кожу. Это успокаивает. Не успеваю я опомниться, как кошка пытается перебраться из объятий Сидни в мои, прон-

зая когтями мою рубашку.

– Черт, извини. – Сидни продолжает улыбаться, вытаскивая маленькие лапки из ткани. – Как я и сказала, она любит людей.

Я замираю в странной позе, когда девушка, тихо усмехнувшись, передает кошку мне, и та устраивается поудобнее в моих объятиях. Сейчас Сидни находится всего в нескольких дюймах от меня, и я даже чувствую, как ее рука украдкой касается моей. Из-за этой близости по моему телу начинают танцевать мурашки. Меня окутывает странное, но захватывающее чувство.

Наши взгляды встречаются и не разрываются. И тут Сидни говорит:

– Ты ей действительно нравишься.

Мои губы против воли растягиваются в небольшой улыбке.

Я кому-то нравлюсь.

Сидни резко выдыхает, сияние ее синих глаз становится заметнее и ярче от удивления.

– Кажется, я не видела, чтобы ты делал это раньше, – тихо бормочет она, все еще находясь невероятно близко.

Я прочищаю горло.

– Ты права. Я впервые держу кошку на руках.

Она моргает, а затем раздается громкий смех.

– Не это. Я имела в виду... улыбку. По-моему, я еще ни разу не видела, чтобы ты улыбался. Ни разу с тех пор, как

мы были детьми.

Полагаю, она права. Я не могу вспомнить, когда в последний раз улыбался. Возможно, это было, когда я читал «Над пропастью во ржи»¹⁹.

Сидни в конце концов отходит. Тот же самый необычный взгляд окутывает меня голубым туманом.

– Я сбегая в ванную. Если ты услышишь мой крик, это либо убийца, либо паук. И то, и другое потребует принять незамедлительные меры. – Она подмигивает мне, показывая, что шутит. – И я обещаю, что буду держаться подальше от ламп.

От последних слов мой затылок начал пульсировать.

Сидни оставляет меня наедине с Алексис, и я не уверен, что делать дальше. Я стою там, как статуя, несколько мгновений, прежде чем мои руки начинают уставать. Тогда я осторожно опускаю кошку на пол. Она немедленно обвивается вокруг моих лодыжек, мурлыча и привлекая внимание.

– Алексис, ты обаятельное животное, – говорю я, поглаживая кошку между ушами.

Я вздрагиваю, когда слышу голос с кухни, и мои волосы встают дыбом. Я иду на странный женский голос и обдумываю, может ли сестра Сидни все еще быть тут.

Кошка следует за мной, теперь теребя мои шнурки, как

¹⁹ «Над пропастью во ржи» – роман американского писателя Джерома Сэлинджера. В нем от лица 17-летнего юноши по имени Холден откровенно рассказывается о его обостренном восприятии американской действительности, а также о неприятии общих канонов и морали современного общества.

будто это одна из ее игрушек.

– Алексис, осторожнее. Я не хочу наступить на тебя.

Женщина отвечает мне, на этот раз громче. И тут я замечаю на столешнице черный цилиндр, который загорается в ответ на мой голос.

– Хм-м. Я этого не знаю.

Станный и напрягающий.

Сидни появляется позади меня, заставляя вздрогнуть.

– Все в порядке? – спрашивает она.

Я, сощурившись, смотрю на странное устройство, прежде чем переключить внимание на Сидни.

– Каждый раз, когда я обращаюсь к твоей кошке, женщина в динамике разговаривает со мной.

Ее ответ – смех.

Громкий, жизнерадостный, зарождающийся в животе смех.

Она бросает взгляд на громкоговоритель, отдавая ему новый приказ:

– Алекса, включи музыку девяностых.

«Алекса» повинуется, и музыка наполняет воздух.

– Это одно из самых крутых современных устройств, – заявляет Сидни, ее ухмылка не исчезает, пока я обдумываю ее слова. – Тебе нравится музыка?

– Я к ней не привык. Возможно... – Мое сердце ускоряется от неожиданной просьбы, которая вертится у меня на кончике языка. – Возможно, ты сможешь познакомить меня

со своей любимой музыкой.

Глаза Сидни расширяются, непослушная прядь волос спадает вперед и щекочет ее висок. Она зачесывает ее назад, сглатывая и нетерпеливо кивая.

– С удовольствием.

Я чувствую, как мои стены трескаются, броня рушится, напряжение рассеивается.

И я не уверен, в чем дело: в приятной мелодии, льющей из динамика; в кошке, которая устроилась на моих ботинках и согревает пальцы ног; или в выражении лица Сидни в этот момент.

Я знаю только, что обязательно запомню этот образ.

Глава 8

Сидни

– Ты будешь моим другом, Оливер Линч?

Я подхожу к соседскому мальчику, который сидит на ступеньках своего крыльца и запихивает печенье в рот. Крошки осыпаются на его колени, когда он смотрит на меня. Его светло-каштановые волосы прилипли ко лбу из-за летнего солнца.

Он прищуривается с набитым печеньем ртом.

– У девочек вши.

– А вот и нет. – Я скрещиваю руки поверх джинсового комбинезона, надеясь, что он поделится со мной печеньем. Оно выглядит очень аппетитно.

– А вот и да. Мне Энтони рассказал.

– Энтони – большой толстый лжец. Может, это у него вши.

Оливер пожмимает плечами.

– Может быть.

Я решаю присесть рядом с ним на бетонное крыльцо и радуюсь, что он не велит мне убираться восвояси. Я действительно хочу это печенье – оно пахнет как мамина овсянка.

– Их испекла твоя мама?

– Да.

– Можно мне одно?

Оливер рассматривает меня, обдумывая ответ.

– Только если поклянешься, что у тебя нет вшей.

– Клянусь, – говорю я ему. – Честное-пречестное. У меня их не было с прошлого Рождества.

Кажется, мой ответ его устраивает. Он берет тарелку и поднимает вверх.

– Оно овсяное. Мое любимое.

Есть!

– Я люблю овсянку! – Я вытираю испачканную мелом руку о комбинезон, поскольку потратила последние несколько минут на то, чтобы написать свое имя на подъездной дорожке, а затем беру угощение. Не теряя времени даром, я почти проглатываю печенье. – Очень вкусно.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Оливер, стряхивая крошку со своего колена.

– Пять.

– Мне шесть.

– Круто, – улыбаюсь я.

Мы сидим в тишине, бок о бок, плечом к плечу, наблюдая, как мимо проезжают дети на своих велосипедах. В этот теплый июньский день мама наконец-то разрешила мне пойти к соседям одной.

– Как думаешь, мы можем стать друзьями?

Ответ не занимает у него много времени. Оливер отбрасывает назад свои рыжевато-каштановые волосы, кото-

рые почти закрывают ему глаза.

– Думаю, что можем. Ты не такая надоедливая, как мой младший брат.

Сквозь сетчатую дверь доносится пронзительный детский крик, и мы со смехом смотрим друг на друга.

– У меня есть старшая сестра. Она тоже раздражает.

– Как ты думаешь, у них есть виши? – интересуется Оливер, и на его лице появляется глупая ухмылка.

– Определенно.

Мы снова хихикаем, и Оливер поднимает с земли палку и начинает проводить ей по трещинам в цементе.

– Хочешь пойти на задний двор и попрыгать на моем батуте?

– Конечно! – восклицаю я, практически спрыгивая с крыльца от восторга. – Идем.

Мы оббегаем дом, проходим через ворота и забираемся на батут, смеясь и запыхавшись. Мы прыгаем часами, пока день не сменяется сумерками и летнее солнце не заходит за кучевые облака. На исходе дня мы любуемся усыпанным звездами небом. Наши плечи прижаты друг к другу, вокруг жуужжат светлячки, пока мы делимся историями и шуточками «тук-тук».

У меня такое чувство, что Оливер Линч станет моим новым лучшим другом.



Клементина и Поппи помогают мне испечь овсяное печенье для Оливера в качестве «спасибо, что на днях помог отбиться от этого психопата» подарка. Понятия не имею, что теперь ему нравится, но это было лучше, чем корзина с фруктами. Никому не нравятся корзины с фруктами.

Кроме того, мама Оливера пекла лучшее овсяное печенье. Он любил его. Я надеюсь, что вкус поможет пробудить воспоминания из его детства.

Хотя я горжусь выбором подарка, сюжетный поворот заключается в том, что я не могу испечь печенье, которое понравилось бы даже моей кошке, хотя она вообще ест мышей.

Вот почему у меня есть запасной план.

– Тетя Сид, посмотри на меня!

Я бросаю взгляд на Поппи, которая с широкой улыбкой поднимает свои перепачканные мукой руки. Моя пятилетняя племянница исполняет что-то вроде джиги, кружась по кругу и корча глупое лицо. Ее светлый хвостик крутится вместе с ней.

– Ты выглядишь так, словно готовишь довольно вкусное печенье, – говорю я, упираясь кулаком в талию и любуясь ее работой.

Таймер сигнализирует о том, что первая порция печенья готова. Мне не терпится увидеть свои шедевры, поэтому я

подбегаю к духовке и резко открываю дверцу. На лбу залегает хмурая складка.

– Какого черта? Почему они совершенно плоские?

Клем подходит ко мне и разглядывает противень с неудавшимся печеньем, пока я достаю его из духовки прихватками. Она моргает.

– Ты не забыла про яйца?

Я с насмешкой смотрю на нее.

– Конечно, я... забыла про яйца. Боже! Что со мной не так?

– Они довольно милые, как маленькие плоские блинчики.

– Они не милые! Нет ничего милого в том, чтобы в двадцать девять лет не уметь нормально готовить. Вот именно поэтому я и одинока.

– Это нелепо, – возражает Клем, качая головой. – Ты одинока, потому что твои стандарты выше, чем Чувак²⁰.

– Не используй мой любимый фильм против меня в этой травмирующей ситуации.

– Иисус трахнет и высушит! – бездумно кричит Поппи с кухонного островка, скатывая маленькие шарики из теста между ладонями.

Мы с Клем обе замолкаем. Пока я очень, очень сильно пытаюсь стать невидимой, сестра медленно поворачивается ко мне с покрасневшими щеками и самым убийственным взглядом из всех убийственных взглядов.

²⁰ Здесь и далее отсылки на кинофильм «Большой Лебовски».

Дерьмо.

– Я так сильно ненавижу тебя прямо сейчас.

– Прости, – шепчу я, пока мои глаза метаются к Поппи, невинно подпрыгивающей на своем табурете. – Я не думала, что она тоже смотрела.

– Она как губка. И попугай, по-видимому. – Клем скрещивает руки на груди, разочарованно выдыхая. – Отлично. Теперь моей няней осталась только Реджина.

Я со вздохом собираю пергаментную бумагу с печеньем без яиц и выбрасываю их в мусорное ведро.

– Немного драматично, сестренка. И я уверена, что на свете есть множество квалифицированных нянь.

– Их нет.

– Но...

– Нет, – повторяет она, последние крупички веселья исчезли. – Есть только ты и Реджина. Вот и все.

Господи. Клементина всегда внимательно выбирала, с кем оставить Поппи, но я никогда не видела ее такой придирчивой.

– Ладно. Неважно. Извини за ситуацию с Лебовски.

Мы заканчиваем день за приготовлением печенья с гораздо меньшим удовольствием. И вторая порция получается на удивление вкусной. Яйца, несомненно, имеют значение.

Обняв сестру и племянницу на прощание, я запрыгиваю в душ, чтобы смыть муку с волос, а затем собираю корзинку с домашним печеньем для Оливера.

Когда я стучусь в соседний дом, выглядя как Бетти Крокер²¹, которой я точно не являюсь, Гейб открывает дверь в своих брюках цвета хаки и рабочем поло. Он работает менеджером проектов в строительной компании, и это его первая неделя в офисе после работы из дома с тех пор, как вернулся Оливер.

– Йоу. Ты выглядишь по-щегольски восхитительно.

– Я выгляжу как разнорабочий. Только что вернулся домой. А ты... – Гейб поднимает бровь, окидывая меня беглым взглядом. – Ты выглядишь так, словно собралась к бабушке с печеньем, которое купила в «Таргет».

Я хлопаю его по плечу, протискиваясь через вход.

– Да будет тебе известно, я сама его приготовила.

– Чушь собачья.

– Спроси Клем.

– Так, значит, его приготовила Клем.

Мои глаза сощуриваются, пока я снимаю кроссовки, а затем обращаются к главной гостинной.

– Где Оливер?

Гейб сцепляет пальцы за головой.

– В своей комнате. Я поздоровался с ним, когда пришел домой с работы. Он рисует или что-то в этом роде. – Мы оба поднимаемся по ступенькам на второй этаж, и Гейб останавливается наверху лестницы. – Он на самом деле чертовски

²¹ Бетти Крокер – бренд и вымышленный персонаж, используемый в рекламных кампаниях продуктов питания и рецептов.

хорош. Ты уже видела его поделки?

– Вроде того. Он рисовал на стенах, пока я не отдала ему свой блокнот. Он сказал, что это был комикс.

– Это сводит с ума. У него настоящий талант.

Кивнув, я бросаю взгляд в конец коридора, мои колени подрагивают от волнения.

– Как думаешь, он не будет возражать, если я зайду? Я знаю, что он ценит личное пространство.

Последнее, чего я хочу, – это беспокоить его или вторгаться в его частную жизнь. Мне показалось, что вчера мы добились прогресса, когда он пришел ко мне домой и помог проверить комнаты, шкафы и даже пространство под моей кроватью. Я не могу перестать думать о его улыбке или о том, каким милым он был с Алексис.

Я жажду большего.

Гейб пожимает плечами, почесывая затылок у линии роста волос.

– Его трудно понять. Хотя попробовать стоит. – Прежде чем я успеваю ускользнуть, Гейб окликает меня: – Эй... ты в порядке?

Моя свободная рука инстинктивно тянется к губе, навязчивые воспоминания захлестывают меня, как ужасный сон. Мурашки покалывают кожу, когда я вспоминаю резкий, хриплый голос незнакомца. Его голос звучал желчно. Зло. Я все еще чувствую, как его крепкое тело прижимает меня к матрасу. Я была игрушкой, с которой он мог поиграть.

Наглость, чертова наглость избивать и унижать меня в моем собственном доме, под защитой четырех стен, в которых я никогда больше не смогу чувствовать себя спокойно.

Гейб смотрит на меня своим покровительственным зеленоглазым взглядом, окутывая братской заботой. Выдавив улыбку, я качаю головой.

– Я в порядке. Нужно нечто большее, чем свирепый сверхсильный псих в маске, желающий меня убить.

Он подмигивает мне и улыбается, протягивая кулак.

– Лгунья.

Мы стукаемся кулаками, и я направляюсь по коридору в спальню Оливера, корзинка с печеньем болтается у меня на запястье. Я осторожно стучу, затем, приоткрыв дверь, заглядываю внутрь и нахожу его глубоко сосредоточенным за деревянным столом, который Гейб, должно быть, принес из комнаты для гостей.

Оливер поднимает на меня взгляд, легкое замешательство искривляет его лоб, ведь он не ожидал, что его прервут. Но затем он встает, и черты его лица расплываются в чем-то, напоминающем облегчение.

– Сидни, – приветствует он. Его глаза следят за тем, как я неуверенно вхожу в его комнату.

Я приглаживаю волосы пальцами, улыбаясь. Мое собственное облегчение вторит его. Он выглядит искренне счастливым при виде меня, и это заставляет мое и без того ослабленное сердце трепетать.

– Привет. Надеюсь, я тебя не побеспокоила... Я просто хотела занести это.

Держа корзинку с печеньем, я слежу за выражением его лица. Вокруг меня витает аромат теплых, приятных воспоминаний.

Оливер подходит ближе, его взгляд останавливается на печенье.

– Ты сделала его для меня? Почему?

– Потому что ты спас мою жизнь как чертовски крутой парень. Герои заслуживают печенье. – Я поднимаю корзинку повыше. – Попробуй.

Он берет печенье, его глаза сверкают, на губах появляется намек на улыбку. Оливер откусывает кусочек, его ухмылка становится шире.

Получилось.

– Не так уж плохо, а? Я справилась всего за две попытки и с минимальным количеством слез. – Поигрывая бровями, я тянусь за своим собственным кулинарным творением и ставлю корзинку на стол. – Твоя мама дала мне этот рецепт. Овсяное печенье было твоим любимым.

Радость Оливера слегка затихает, и он перестает жевать. Его взгляд опускается в пол.

– Я этого не помню.

– Все в порядке, – уверяю я его, откусывая часть десерта. Знакомая боль сжимает мое сердце. – Может быть, когда-нибудь ты это вспомнишь. Мне просто придется испечь тебе

побольше печенья, чтобы освежить память.

– Я был бы рад. Оно очень даже ничего.

Наши взгляды встречаются, мы оба сдерживаем зачарованные улыбки.

Черт, я бы испекла все возможные виды печенья, если бы это означало, что я снова увижу это выражение на его лице. Я бы стала королевой печенья.

– Мне нравится, когда ты это делаешь, – тихо бормочу я, указывая на его рот.

– Потребляю пищу?

Боже милостивый. Я не могу решить, его недалекость забавна или очаровательна. Я отвечаю смешком.

– Когда улыбаешься.

– О. – Оливер понимающе кивает, затем проглатывает остатки пищи. – Мне тоже нравится твоя улыбка. Она заставляет меня улыбаться еще больше.

Очаровательна. Стопроцентно очаровательна.

Клянусь богом, я почти краснею, когда снимаю кардиган и замечаю, как взгляд Оливера скользит по мне, останавливаясь на моей майке и узких джинсах. Он, наверное, шокирован тем, что я ношу что-то кроме футболки и черных леггинсов. Вешая свой кардиган на его рабочий стул, я отбрасываю волосы набок и наблюдаю, как его глаза медленно возвращается к моему лицу. Они выглядят более темными, взволнованными, горящими живым любопытством.

Кажется, ему нравится то, что он видит.

От этой мысли у меня перехватывает дыхание, поэтому я высовываю язык, чтобы облизать губы. Надо сменить тему, становится жарковато.

– Итак, что ты рисовал? Можно мне посмотреть?

Оливер моргает, на мгновение заколебавшись, затем подходит к своему столу для рисования и тянется за блокнотом. В его движениях заметно сомнение, след застенчивости и, может быть, даже смущение. Я могу только представить, насколько этот комикс важен для него – он назвал его другом.

Моя поза смягчается, когда я приближаюсь к нему.

– Я пойму, если ты еще не готов поделиться ими. Уверена, что они очень важны для тебя.

– Да, но это не... – Оливер делает паузу, его глаза пробегают по бумаге, затем возвращаются ко мне. – Ты можешь счесть их несерьезными. Детскими.

Мы стоим там лицом друг к другу, и я поражена тем, что ему безразлично мое мнение. Он беспокоится, что я плохо отзовусь о его работе. И почему-то это трогает мое сердце.

– Оливер... Я уже видела, насколько ты талантлив. Это невероятно.

В Оливере Линче нет ничего несерьезного. Хотя в нем действительно есть искренняя невинность, он совсем не похож на ребенка. Оливер – настоящий мужчина, от мышц, выглядывающих из-под его укороченных рукавов, и жесткой щетины вдоль линии подбородка до низкого, хрипловатого голоса и блестящего ума.

Мой ответ, кажется, ему нравится. Оливер протягивает мне блокнот для рисования, а затем терпеливо ждет мой отзыв.

Ну, черт возьми.

Не уверена, употребляла ли я когда-нибудь раньше слово «сенсационный», но это первое, что приходит на ум. Я перелистываю наброски подушечками пальцев, – его история наполняется жизнью, персонажи почти трехмерны. У меня перехватывает дыхание.

– Вау...

Просматривая рисунки, я сосредотачиваюсь на оранжевом полосатом коте с развевающейся накидкой, который бежит рядом с молодым человеком.

Оливер прочищает горло, чтобы объяснить.

– Это Алексис, мой новый напарник. Я работаю над тем, чтобы представить ее персонажа в этой сцене.

Его слова заставляют меня поднять глаза, которые теперь блестят от несдерживаемых чувств.

– Вау.

Отлично. Теперь я не могу связать двух слов.

– Это глупо, – возражает Оливер, растирая ладонью свою шею и возя носком по ковру.

– Это невероятно. Рисунок очень на нее похож. – Я заставляю свой взгляд вернуться к комиксу. Я просматриваю фреймы, заполненные различными яркими сценами, и остаиваюсь на маленькой девочке с золотыми косичками. К

груди она прижимает потрепанного плюшевого мишку, а над ней нависает безликая фигура. – Кто это?

Щеки Оливера розовеют, пока он нервно ерзает передо мной.

– Королева Лотоса, – отвечает он, – и Безликий. Он злодей из комиксов.

Королева Лотоса.

Сердце замирает, внутри все заволакивает туманом и теплом. Я спрашиваю:

– Это... я?

Он кивает.

– Да... Полагаю, что ты.

– Вау.

Ладно, мне действительно нужен словарь.

Оливер, выглядящий измотанным, забирает блокнот из моих рук и кладет его обратно на стол.

– Комикс еще не закончен. Надеюсь, он станет лучше.

Когда я наблюдаю за этим человеком, мои губы сжимаются от сдерживаемых эмоций. Я пытаюсь осознать тот факт, что не покидала его мысли в течение всех тех лет, пока он был заперт, потерян и напуган. Точно так же, как он никогда не покидал мои. Мы были связаны. Он превратил меня во что-то осязаемое, прекрасное и реальное.

Он вернул меня к жизни единственным известным ему способом.

– Я расстроил тебя.

Голос Оливера прорывается сквозь марево, и я понимаю, что слезы текут по моим щекам, капая с подбородка. Я смахиваю их, шмыгая носом.

– Нет... нет, прости. Я не расстроена.

– Ты плачешь, – замечает он, хмурясь.

– Я счастлива. Поражена. – Моя мокрая улыбка призвана его в этом убедить. – Люди плачут не только тогда, когда им грустно.

– Правда?

Я киваю.

– Эмоции – забавная штука. – Прикусив губу, я с любопытством склоняю голову набок, наблюдая за тем, как он рассматривает меня. – Так... почему я все еще ребенок в твоих комиксах?

Подумав мгновение, Оливер разворачивается и идет к кровати, присаживаясь на край матраса. Задумчивость затуманивает его бронзовый взгляд, пока он изучает меня с другого конца спальни.

– Я вырос, но ты оставалась прежней. Я не мог представить тебя какой-то другой.

Моя улыбка становится еще шире, когда я медленно подхожу к нему.

– В этом есть смысл. – Я бросаю взгляд на пустое место рядом с ним и спрашиваю: – Можно мне присесть?

– Да.

Наши бедра соприкасаются, когда я устраиваюсь слева от

него, и на этот раз он не отстраняется ни на миллиметр.

– Почему «лотос»? Почему ты выбрал такое имя?

Вопрос на миллион долларов.

Обе ладони лежат на коленях, голова склонилась в задумчивости, Оливер тихо выдыхает. Его глаза поднимаются на меня.

– Это было написано у меня на руке. Кажется... Я точно не помню. Возможно, это написал Брэдфорд. – Его брови сходятся на переносице, пока он отчаянно пытается воскресить воспоминания. – Я вырезал это на каменной стене рядом со своим именем. Это слово почему-то казалось важным. Я не хотел его забыть.

– Ты не можешь понять, почему оно важно?

– Нет, – бормочет он, разочарованно качая головой. – В моей голове все смешалось. Я только смутно помню, что оно было выведено ручкой на моей руке.

Лотос. Зачем его похитителю писать это у него на руке?

Интересно, будет ли эта тайна когда-нибудь разгадана?

Оливер снова смотрит в мою сторону. Его глаза, подобные летнему закату, обжигают меня, пока блуждают по моему лицу и поглощают зеленовато-фиолетовые синяки на щеке и челюсти. Я бросаю быстрый взгляд на его разбитые костяшки, и меня переполняет желание прикоснуться к нему. Почувствовать его. Поблагодарить, нежно погладив дрожащими пальцами.

Проглотив свою гордость, я тянусь к его левой руке, сжа-

той в кулак, лежащей на коленях, и готовлюсь к неизбежному отказу.

Но этого не происходит.

Он еле заметно вздрагивает, но он не отвергает меня. Он не дергается назад и не вырывается из моих ласковых пальцев. *Он не убегает.*

Оливер позволяет мне держать его руку, пока я поглаживаю большим пальцем ссадины на его изуродованных костяшках, тем самым вытаскивая его из зоны комфорта и подталкивая довериться другому человеку. Я делаю глубокий, дрожащий вдох, захваченная мыслью о том, что именно эта рука предотвратила ужасающий кошмар.

А затем в ошеломлении я словно приросла к темно-синему одеялу, наблюдая, как Оливер отпускает мою руку и поднимает свою к моему лицу.

Я не двигаюсь, затаив дыхание и потеряв дар речи. Мои глаза следят за тем, как его ладонь касается моей щеки, проводя невидимую линию вдоль синяка. Его прикосновение заставляет меня дрожать, – в основном от неожиданности, но также и по причинам, которые я не могу объяснить. Мурашки щекочут обе руки, окутывая меня шквалом новых ощущений и неожиданным чувством... удовлетворения.

Наполненности. Принадлежности.

Дома.

Когда его глаза возвращаются к моим, я понимаю, что мы оба тяжело дышим, а наши лица находятся в нескольких

дюдюмах друг от друга. Тот же самый заряженный ток, который я почувствовала, когда мы смотрели друг на друга через мое эркерное окно, разливается внутри меня. Только теперь я чувствую это в десятикратном размере. Я поднимаю свою руку и кладу ее поверх его ладони, крепко обхватив пальцы. Мы продолжаем смотреть друг на друга.

Я спрашиваю его мягко и робко:

– Ты будешь моим другом, Оливер Линч?

А потом я одариваю его улыбкой, делая этот момент еще уютнее.

Он отвечает не сразу. Это короткая, безмолвная битва между глубинными страхами и желанием победить их. Война между годами изоляции, единственным, что он по-настоящему знает, и... *мною*.

Мое сердцебиение учащается, пока я жду его ответа. Мои пальцы переплетаются с его, сильнее прижимая его руку к моей щеке.

Оливер выдыхает, и его губы вторят моей улыбке. Гора падает с плеч.

– С удовольствием.

Похоже, у меня больше нет вшей.

Глава 9

Оливер

За последние несколько месяцев я обнаружил в себе необычную страсть к готовке, к большому удовольствию Гейба. Иногда я задаюсь вопросом, не терпит ли он мое общество только из-за ужинов, которые я готовлю к его возвращению домой, а также из-за моей любви к чистоте. Я заметил, что у нас не так много общего, хотя мы и довольно хорошо ладим.

Ну, за исключением Сидни.

Наша привязанность к девушке по соседству – это, безусловно, то, что нас объединяет.

– Черт, пахнет фантастически. Что ты готовишь?

Гейб поднимается по маленькой лестнице на кухню, его нетерпеливый взгляд осматривает столешницы в поисках подсказок. Параллельно с этим он со звяканьем бросает на столешницу ключи от своего авто, а затем вытаскивает из брюк край своего темного поло. Я кидаю на него быстрый взгляд, прежде чем вернуть внимание к плите.

– Лазанья, – отвечаю я ему. – Я готовлю соус бешамель.

Взглянув через мое плечо на белый соус, он впечатленно кивает.

– Не знаю, что, черт возьми, ты только что сказал, но я

здесь ради этого. – Прямо у меня за спиной Гейб принимает-ся разбирать почту, которую я занес внутрь. – Слушай, мой папа хочет зайти в гости после каникул. Он держался в стороне, чтобы дать тебе время привыкнуть, но ему действительно не терпится наконец-то увидеть тебя.

Трэвис Веллингтон – мой отчим. Один из оставшихся у меня членов семьи.

– Понимаю.

По правде говоря, знакомство с новыми людьми – это уютно. Хотя за последние три месяца я и добился значительных успехов, толпы людей и новые лица все еще вызывают у меня щекочущее чувство беспокойства. Я отважился сходить в продуктовый магазин и несколько ресторанов, но в остальном я ограничиваю свой круг общения братом и Сидни.

Родители Сидни, Аарон и Джастин, зашли однажды в мае навестить меня, и это было крайне некомфортно. У меня не сохранилось о них и малейших воспоминаний, поэтому крепкие объятия и оживленная беседа вымотали меня. К счастью, это был недолгий визит. Сидни почувствовала мой дискомфорт и увела их, прежде чем я повел себя невежливо и заперся в спальне.

Однако мне кажется странным, что родители соседки навестили меня раньше собственного отчима. Должно быть, он занятой человек.

– Да? – Гейб хлопает в ладоши. – Здорово. Я ему скажу.

Завтра я устраиваю дома вечеринку в честь Дня независимости США, но, может быть, на следующих выходных мы сможем что-нибудь придумать.

Ах да. Светское мероприятие, которому он, кажется, чрезмерно рад.

Я определенно запрусь в спальне на весь вечер.

– Хорошо, – говорю я, помешивая соус и вдыхая его аромат. – Какой он?

Гейб встает рядом со мной, скрестив руки на груди.

– Папа довольно крутой. Он снова женился восемь лет назад, и у него есть еще двое приемных детей, с которыми я встречался несколько раз. Они ничего. Мой отец – бизнесмен и владеет кучей ресторанов на Женевском озере. У них офигительно большой дом на берегу.

– Похоже, он успешен, – заключаю я. – Должно быть, это и есть достойная жизнь.

Мой брат безразлично пожимает плечами.

– На самом деле это не по мне. Думаю, у нас разные ценности. Он помешан на деньгах и статусе. Мои приоритеты – друзья и веселье.

– Я могу понять ваше разномыслие.

Он в подтверждение мычит, прежде чем отрывается от столешницы.

– Как бы там ни было, я собираюсь заскочить в душ. Тебе стоит позвать Сидни на ужин.

Я снимаю соус с плиты и начинаю собирать остальные ин-

гredienty, чтобы можно было приготовить блюдо.

– Хорошо. Я найду и приглашу ее.

– Или ты можешь написать ей, – усмехается Гейб, почесывая свою лохматую копну волос.

Хм-м. Полагаю, я мог бы отправить ей электронное сообщение через мобильное устройство, которое Гейб купил для меня, и с которым я все еще не мог справиться. В нем слишком много иконок. Гейб добавил в аппарат пугающий ассортимент разноцветных пузырьков и сказал мне, что они называются «приложения». Все они выполняют различные функции, но большинство предназначены для развлечения, например Bookface... Которое не имеет никакого отношения к книгам.

Это разочаровывает.

– Я предпочитаю личное общение, – говорю я ему рассеянно, перекладывая макароны на керамический противень для запекания.

Он снова пожимает плечами, затем исчезает в коридоре.

– Поступай как знаешь.

* * *

Пока лазанья запекается, я решаю зайти в соседний дом. Переступая порог в прихожую Сидни, я понимаю, что заразился от брата ужасно грубой привычкой – забывать стучать, когда навещаю ее. Но я не уйду, потому что от пронзитель-

ной музыки вибрируют стены, а ее собственный голос громко и гордо перекрывает чужой вокал. В любом случае она не смогла бы услышать мой стук.

Я следую за мелодией вверх по лестнице и обнаруживаю Сидни, стоящую ко мне спиной и дико танцующую. Ее длинный хвост вращается кругами, пока она поет в кисточку для рисования. Я продолжаю стоять в дверном проеме, наслаждаясь этой эксцентричной и занимательной сценой, от которой не могу оторвать глаз. Я наблюдаю, как она покачивает бедрами и перебрасывает волосы из стороны в сторону.

Я узнаю группу – Nirvana. Это одна из любимых групп Сидни и первая, с которой она познакомила меня три месяца назад, когда мы официально возродили нашу давно утраченную дружбу.

Сидни все еще не подозревает о моем присутствии, что заставляет меня чувствовать себя неловко, – как будто я вторгаюсь в ее личную жизнь. Но теперь я боюсь, что напугаю ее, если объявлю о себе и испорчу этот беззаботный момент, которым она, кажется, наслаждается. Я выжидаю еще минуту, с трудом сдерживая свое веселье, когда она вытаскивает резинку из волос и начинает мотать головой вверх-вниз, – светлые локоны разлетаются в разные стороны.

Не зная, что еще сделать, я достаю свой сотовый. Полагаю, мне следует извлечь из него хотя бы какую-то пользу. Просматривая множество значков, я нахожу тот, который позволяет передавать сообщения. Я нахожу имя Сидни и печатаю:

Привет, это Оливер. Не пугайся, но я стою у тебя за спиной.

Я нажимаю кнопку «отправить» и наблюдаю, как она лезет в задний карман, вытаскивая устройство, которое, кажется, вибрирует.

Невероятно.

Хотя я предпочитаю менее сложные средства коммуникации, невозможно отрицать то, насколько впечатляющим является это новое достижение науки.

Прочитав мое сообщение, Сидни резко оборачивается, ее щеки пылают, волосы в полном беспорядке. Затем она велит аппарату «Алекса» выключить музыку. Она смотрит на меня с вздымающейся грудью и широко распахнутыми глазами.

– Черт, Оливер. Как долго ты там стоишь?

Ее голос хриплый. Она запыхалась. Засовывая руки в карманы, я смущенно смотрю на нее.

– Примерно три минуты.

Сидни моргает.

– Прошу прощения. Мне нужно пойти умереть.

– Пожалуйста, не делай этого. – Я врываюсь в комнату, прежде чем она успевает принять какие-либо радикальные действия. – Извини меня. Я не мог отвести взгляд от твоего выступления.

– Моего выступления... – Сидни прижимает ладони к

обеим щекам, и они кажутся еще краснее, чем раньше. – Как ты думаешь, насколько далеко земля находится от окна? Приблизительно? По-твоему, я сдохну или просто переломаю ноги и этот позор мне придется проживать в инвалидном кресле?

– Эм... Я предполагаю, что падать придется с пяти метров, так что у тебя больше шансов сломать ноги, чем умереть. Однако, если ты упадешь головой вперед, то, скорее всего, повредишь шею, что либо убьет тебя, либо парализует.

– Отлично. Увидимся на той стороне.

Сидни поворачивается и бежит к открытому окну, и я хватаю ее за запястье, чтобы удержать. Она начинает истерически хихикать, прижимаясь спиной к моей груди, затем смотрит на меня снизу вверх и подмигивает. Взволнованный вдох, застрявший в моих легких, вырывается через приоткрытые губы.

Она поворачивается ко мне лицом: ее улыбка все еще широкая и дразнящая. На ней укороченная футболка, линия которой заканчивается чуть выше пупка, а бронзовый живот Сидни слегка блестит от пота.

– Просто шучу. Прости.

Я все еще привыкаю к ее чувству юмора.

Осознав, что моя рука продолжает сжимать запястье девушки, я отпускаю ее, отступая и заставляя себя отвести взгляд от обнаженного живота.

Прошло три месяца с тех пор, как я впустил Сидни в

свою жизнь, позволил нашей дружбе постепенно развиваться. Она, безусловно, самый непонятный, очаровательный, красивый и обаятельный человек, с которым я сталкивался до сих пор. Меня тянет к ней во многих смыслах, и я не уверен, связывает ли нас прошлое или что-то другое.

Мне нравится проводить время с Гейбом и даже с сестрой Сидни. Но в этой девушке есть что-то особенное. Чего только стоят ее растрепанные волосы, а также слегка порозовевшие щеки, оттенок которых напоминает ее приоткрытые губы. Она не обращается со мной как со стеклом, которое может разбиться вдребезги. Она не разговаривает со мной свысока, как пожилая женщина на улице или незнакомцы, которые узнают меня.

В Сидни есть что-то особенное, что-то опьяняющее и чистое. Я ловлю себя на том, что думаю о ней, когда мы не вместе.

Вдруг я понимаю, что смотрю на нее слишком долго. Она опускает голову, и этот застенчивый жест прерывает зрительный контакт. Что-то внутри меня теплеет в ответ.

– Прости за вторжение, – извиняюсь я. Почесывая шею, я киваю в сторону ее мольберта. – Ты рисовала?

Мы оба смотрим в левую часть комнаты на незаконченный холст. Сидни кивает, а затем наклоняется за брошенной резинкой для волос, чтобы собрать свои локоны в беспорядочный пучок.

– Ага, – щебечет она. – Рисовала. Танцевала как умали-

шенная. Выбирай сам.

– Это прекрасно.

– Припадочные танцы или картина?

Мои глаза встречаются с ее, и мы обмениваемся улыбками.

– И то, и другое впечатляет.

Сидни морщит нос, подходя ближе и игриво шлепая меня по груди.

– Мне нравится общаться с тобой. Ты хорошо влияешь на мое эго. – Она откидывает со лба выбившиеся пряди, после чего тяжело вздыхает. – Мне нужно собираться. Сегодня вечером я работаю барменом.

– Ох. Я зашел пригласить тебя на ужин, – объясняю я, не в силах скрыть разочарование в голосе. Затем, когда до меня доходят ее слова, у меня внутри все сжимается от беспокойства. Большую часть выходных она работала в питейном заведении, а вечером предыдущей пятницы пришла домой измотанная, потому что самонадеянный клиент поднял на нее руку. – Ты уверена, что там безопасно? Может, мне пойти с тобой?

Сидни закусывает губу, мои глаза прикованы к этому действию.

– Со мной все будет в порядке. Но ты можешь помочь мне выбрать наряд.

– Не думаю, что я достаточно компетентен...

Ее пальцы обвиваются вокруг моего запястья, а затем она

начинает тянуть меня из кабинета в свою спальню.

– Ты парень. Ты компетентен.

Не уверен, как мой пол соотносится с ее выбором одежды, но я обнаруживаю, что стою рядом с ней, лицом к открытому шкафу. Он до краев наполнен разноцветной одеждой, начиная от свитеров и заканчивая платьями, а также верхней зимней одеждой. Сидни обычно надевает что-нибудь облегчающее, подчеркивающее ее фигуру, когда работает по выходным – разительный контраст с ее обычным будничным нарядом.

– Что думаешь? – спрашивает она вслух, поджимая губы и просматривая ассортимент одежды.

Не знаю почему, но мое внимание приковано к противоположному концу шкафа.

– Как насчет этого милого комплекта? – предлагаю я, протягивая руку к одной из вешалок. – Привлекательно, но скромно.

Сидни таращится на меня. Одна ее бровь приподнимается, выражая некое беспокойство.

– Оливер, это зимний комбинезон.

– Ну, он розовый и женственный. И выглядит ужасно удобно.

– Может быть, я и ошибалась насчет твоей компетентности... – хихикает она, выхватывая зимнюю одежду у меня из рук и запихивая обратно в шкаф. Она просматривает другие вещи и останавливается на соблазнительном черном пла-

тье. – Что насчет этого?

Я с отвращением смотрю на ее вариант, когда она приподнимает его.

– Не подходит. Но вот это... – я вытаскиваю из кучи безразмерную парку.

Смех заполняет мои уши.

– Что ж, нет. Я собираюсь разливать коктейли для состоятельных и с иголки одетых студентов, а не кататься на лыжах в Аспене²². Дресс-код требует элегантности и сексуальности.

В результате она решает надеть черное платье, и я скрещиваю руки в знак поражения, поскольку явно не выиграл этот спор. Честно говоря, я не уверен, почему меня это вообще так волнует. Нет сомнений, что Сидни будет выглядеть сногшибательно в этом платье. Все взгляды будут прикованы к ней.

Возможно, я боюсь, что на нее обратятся не те глаза.

– Может, мне действительно пойти с тобой? – Предложение причиняет мне почти физическую боль, когда я пытаюсь в деталях представить подобное заведение. Но безопасность Сидни важнее собственного комфорта. – Я могу присоединиться к тебе после ужина.

Ее глаза, кажется, заискрились от моего предложения – бледно-голубые радужки напоминают лед, но все равно кажутся такими теплыми...

²² Аспен – горнолыжный курорт в штате Колорадо.

– Это очень мило с твоей стороны, Оливер. Я знаю, ты не любишь толпу.

Неожиданно для меня Сидни шагает вперед и касается моего плеча. А затем приподнимается на цыпочки, чтобы запечатлеть поцелуй на моей челюсти. Застигнутый врасплох этим жестом, я слегка поворачиваю голову, и тут ее губы касаются уголка моего рта. Мы оба замираем на мгновение и перестаем дышать.

Она опускается обратно на землю, ее пальцы теребят рукав моей рубашки.

– Прости. – Розовый румянец окрашивает ее щеки-яблочки, когда она быстро отпускает ткань и отходит. – Ну, я собираюсь привести себя в порядок. Я ценю твое предложение, но нет нужды приносить себя в жертву. Там громко и безумно, мигающие огни, противный диджей... пьяные женщины, который будут набрасываться на тебя. Ты возненавидишь это место.

Я сглатываю, мои губы все еще покалывает.

– Звучит действительно неприятно.

– На любителя, – соглашается она и начинает снова покусывать свою губу. Ее глаза мимолетно пробегают по моему лицу, а затем она говорит: – Жаль, что не смогу поужинать с тобой. А ведь твои кулинарные шедевры мне уже буквально во снах видятся. В хорошем смысле.

Я не могу удержаться от улыбки в ответ на комплимент. Я быстро учусь, когда за что-то берусь, и в последнее время

кулинария определенно завладела моим вниманием.

– Спасибо. Возможно, мне действительно есть чему тебя научить.

– Ах. – Сидни притворяется оскорбленной, прижимая руки к сердцу. – Ты что, критикуешь мои кулинарные способности?

– Способности – это смелое заявление.

Я надеюсь, она поймет мое остроумное замечание. В конце концов, я учился у лучших, и что ж... Как я уже сказал, я быстро учусь.

К счастью, она сгибается пополам от смеха, схватившись за живот обеими руками, как будто от боли.

– Оливер Линч, – ругает она с притворным нахальством. Ее подмигивание смягчает слова. – Ты понабрался каких-то дурных привычек. Должно быть, это все та богохульная девчонка по соседству. Ужасное влияние.

Засунув руки в карманы и наклонив голову, я пристально смотрю на нее.

– Насчет этого... Должен признаться, она мне довольно симпатична.

Моя невинная похвала больше похожа на флирт, и мои губы щекочет при воспоминании о ее поцелуе. Улыбка Сидни постепенно сползает с лица, что заставляет меня задаться вопросом: я поставил ее в неловкое положение или же она задумалась о том же самом?

– Ты мне тоже нравишься, Оливер. – После этого мощно-

го удара она разрывает наши взгляды, перекидывает черное платье через одну руку и принимается расхаживать по комнате в поисках аксессуаров. – Пожелай мне удачи. Сегодня праздничные выходные, так что там будет твориться безумие. Как ты относишься к завтрашней вечеринке Гейба?

Я покачиваюсь на пятках.

– С тревогой. Фейерверки и толпы незнакомцев делают меня нервным. А сочетание того и другого, скорее всего, заставит весь вечер отсиживаться в своей спальне.

Сидни замирает с расческой в руке.

– Черт. Я даже не подумала... – Ее взгляд соскальзывает с меня на ковер под ее босыми ногами. – День независимости США. Боже, это же годовщина твоего...

Ее слова теряются в пустоте под названием «Вещи, которые лучше оставить недосказанными».

– Я не забыла, Оливер, – продолжает она, снова приближаясь ко мне. – Гейб начал устраивать вечеринки каждый год только для того, чтобы чествовать тебя. Мы хотели превратить трагический день во что-то позитивное и запоминающееся. Просто... теперь, когда ты вернулся, я даже не подумала, как что-то подобное может отразиться на тебе.

Я киваю, мое горло сжимается от натужного сглатывания. Хотя у меня нет ярких воспоминаний о похищении, я помню фейерверк той ночью. Помню, как всполохи и взрывы озарили небо невероятными цветами – обманчивая красота. Я сидел на заднем сиденье автомобиля незнакомца, мужчины,

мои глаза были прикованы к зрелищу за окном. Я размышлял, почему все остальные смотрят шоу на лужайках перед домом с друзьями и семьей, в то время как я был потерян и сбит с толку, а мои руки были связаны за спиной.

Фейерверк – это последнее, что я помню о той ночи, прежде чем на мои глаза надели повязку и повели в новую одинокую жизнь.

– Страдания одного человека не должны лишать радости других, – говорю я ей. – Если бы все работало по этому закону, тогда мир был бы печальным местом.

На лице Сидни снова появляется улыбка, но на этот раз она сопровождается сияющими глазами.

– Твои страдания значат для меня больше, чем радость пятидесяти знакомых и незнакомых людей. Надеюсь, ты это знаешь.

Торжественное, но пронзительное молчание воцаряется между нами, пока Сидни не выпускает долгий вздох. Она поднимает свое платье и расческу, показывая, что ей нужно прекратить беседу.

– Увидимся завтра. Это будет не так уж плохо. Мы можем вместе сидеть в темном углу и молча обсуждать всех.

Подмигнув, она уходит.

Я задерживаюсь на мгновение, слушая звук включенного душа и стараясь не представлять, как может выглядеть Сидни под ним. Когда мою кожу все же начинает покалывать от невольно возникшей перед глазами картины, я понимаю, что

нужно идти домой. Лазанья должна быть почти готова.

Я спускаюсь по лестнице и тут замечаю Алексис, кружащую у моих ног и мешающую мне уйти. Остановившись, я несколько раз слегка похлопываю ее по голове. Мое сердце переполняют чувства, и следующие несколько минут я просто глажу это пушистое существо. Я улыбаюсь, когда наблюдаю за тем, как ее спина и хвост приподнимаются от моих легких движений.

Опустившись на колени, я слежу за тем, как она подбегает к дальней стене, где висит холст, повернутый в другую сторону. Алексис трется о него всем телом, прогуливаясь взад-вперед, и мое любопытство разгорается. Я поднимаюсь на ноги и делаю несколько шагов к холсту, наклоняясь, чтобы прочитать карандашные пометки на обратной стороне.

Оливер Линч – 22.01.17

Мое сердце подпрыгивает в груди. *Это дата из прошлого.* Мои руки дрожат, когда я беру холст и переворачиваю его. На секунду закрываю глаза, а затем снова открываю их.

Алексис мягко мяукает, заглушая вздох, который, несомненно, срывается с моих губ. Это мой портрет – хотя удивляет то, как она сумела передать мои взрослые черты, не зная, как я выгляжу. Мельчайшие детали, сходство невероятное. Я бегаю глазами по картине: волосы такие же длинные и пестрят различными коричневыми, красными и золотыми оттенками. Цвет глаз совпадает с цветом волос, и я не могу точно определить их выражение.

Взволнованное, испуганное... возможно, затравленное.

«Мы всегда будем лучшими друзьями, правда?»

«Да. Пока я не умру».

«Даже тогда я найду способ вернуть тебя».

Я покачиваюсь и чувствую, как наваждение пронзает меня, подобно зазубренному ножу. Моя грудь болит и горит, голова пульсирует, пока я изо всех сил пытаюсь удержать образы, которые были погребены слишком много лет.

Это был сон или воспоминание?

Все по-прежнему так запутано, переплетено длинными извилистыми корнями, уходящими глубоко под землю.

Слишком глубоко.

Собравшись с силами, я поднимаюсь и прерывисто дышу. Я бросаю на портрет последний взгляд, прежде чем еще раз глажу Алексис и выхожу за дверь.

«Я тоже найду способ вернуть тебя».

Глава 10

Сидни

На кухне Гейба я пытаюсь приготовить первоклассные закуски и десерты до прихода гостей на вечеринку. Я отступаю на шаг от столешницы, любуясь результатом своих трудов. Неплохо.

Гейб смотрит на меня, пока разбирает алкоголь, затем делает два глотка.

– Что это, черт возьми, такое?

– Кексы. Очевидно. – Я бросаю на него взгляд типа «понятное дело». – А на что они похожи?

– Тебе лучше не знать.

– Что? Так, лучше не связывайся со мной сейчас. Я не спала до трех утра, чтобы испечь их.

На моем лице появляется хмурое выражение, когда я пытаюсь понять, что видит Гейб. Кексы состоят из трех цветов: светлый корж, красная глазурь и черника посередине. Я думаю, они милые.

Гейб проводит ладонью по подбородку, возвращаясь к своей задаче.

– Все в порядке. Люди будут слишком пьяны, чтобы обращать внимание на соски у кексов. Надеюсь, они хотя бы вкусные.

Соски у кексов?! Я склоняю голову набок, мое лицо вытягивается. Черт. И правда похоже.

– И красный цвет немного настораживает. Похоже на кровь или что-то в этом роде.

– О, боже мой. Я испекла кровавые кексы с сосками.

– Ага.

Я хватаюсь за лоб и удрученно опираюсь о столешницу.

– Клем должна скоро прийти. Она придумает, что делать, – бормочу я.

Гейб не отвечает, поэтому я поворачиваю голову и замечаю его нахмуренное лицо, а также напряженную позу.

Наконец он прочищает горло и открывает пиво. Прежде чем ответить, он выпивает половину.

– Сомневаюсь, что она придет.

– Почему? – Я выпрямляюсь, а глаза прищуриваются в замешательстве. – Я разговаривала с ней вчера. Она с нетерпением ждала вечеринку.

– Это было до того, как она сбежала от меня прошлой ночью прямо в разгар секса. Без понятия, что я сделал не так.

– Какого черта? Она мне даже не написала.

Гейб пожимает плечами, допивая пиво. Я вижу, как он разочарован.

– Все шло хорошо. Было весело. Я честно ничего не понимаю.

Это странно. Клементина казалась счастливой последние несколько месяцев, проводя время с Гейбом. Я даже начала

задаваться вопросом, не превратится ли это во что-то большее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.